

Гулиа Г.

ФАРАОН ЭХНАТОН

**ЕГИПЕТСКИЕ
НОЧИ**

Египетские ночи

Георгий Гулиа

Фараон Эхнатон

«Алгоритм»

1968

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Гулиа Г. Д.

Фараон Эхнатон / Г. Д. Гулиа — «Алгоритм»,
1968 — (Египетские ночи)

ISBN 978-5-486-03735-1

Советский писатель Георгий Дмитриевич Гулиа (1913—1989), заслуженный деятель искусств Грузинской ССР (1943) и Абхазской АССР (1971), начинал свой жизненный путь не как литератор. В молодости он много лет проработал инженером на строительстве Черноморской железной дороги. И лишь в зрелом возрасте стал писать книги. Первая же его повесть «Весна в Сакене» получила в 1949 году Сталинскую премию. Далее последовали многие другие повести, рассказы, романы. Долгое время Георгий Гулиа был одним из руководителей «Литературной газеты». В этот период он обратился к историческому жанру, и из-под его пера вышли весьма интересные романы из истории древних народов — «Фараон Эхнатон», «Человек из Афин», «Сулла», «Омар Хайям». Публикуемый в этом томе роман повествует об эпохе царствования фараона Эхнатона (XIV век до н. э.) — одной из узловых эпох в истории египетской культуры. Это время богато гениями зодчества, ваяния и живописи. Но личность самого фараона-реформатора до сих пор остается загадкой. В мировой художественной литературе нет произведений об Эхнатоне и его времени. Роман Георгия Гулиа интересен оригинальной разработкой этой темы.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03735-1

© Гулиа Г. Д., 1968

© Алгоритм, 1968

Содержание

От автора	7
Часть первая	9
На переправе	9
Кормчий	15
Ка-Нефер	19
Утро фараона	29
Завтрак	32
Беспокойство	38
Главный военачальник	43
Ее величество	47
Купец	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Георгий Дмитриевич Гулиа

Фараон Эхнатон

Елене и Дмитрию Гулиа, моим родителям

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

От автора

Есть вещи незабываемые. Незабываем, например, Древний Египет, или, как называли его сами египтяне, Кеми.

Всякий, кто попытается постичь истоки мировой цивилизации, тот неминуемо придет в Египет. А кто однажды прикоснулся к его истории, архитектуре, скульптуре, литературе, тот на всю жизнь становится духовным пленником во многом таинственного для нас государства Кеми.

По мере того, как мы удаляемся от седой древности, интерес к Кеми все растет и растет. Во всем мире. Неудивительно, что и я оказался в числе замороженных и тридцать лет изучал историю и искусство этой страны.

За три тысячи лет на египетском троне восседали фараоны тридцати династий. Наверное, их было намного больше двухсот – этих полубогов в бело-красной короне. Одни из них царствовали необычайно долго, другие – очень краткое время. Рамзес Второй правил шестьдесят семь лет. Его рекорд побит только фараоном Пиопи Вторым: почти сто лет! (Какой ужас, даже если и всамделишный полубог!) А Шешонк Второй так и не успел вкусить от единовластия: он умер во время совместного с фараоном Осорконом Вторым правления. Большинство царей переселилось на поля Иалу в результате естественной смерти. Большинство, но не все. Аменхет Первый, например, был убит в своей спальне. Поздней ночью...

Я хочу сказать, что фараоны были разные, с различными судьбами. Были среди них и те, что поумнее. Находились и поглупее. Были воинственные. И менее агрессивные. Но деспотами были все. поголовно все!

В длинной веренице фараонов особенно выделяется один.

Он бесстрашно свергнул бога небесного Амона – более чем тысячелетнего по возрасту, немыслимо сильного своими земными связями. Свергнув Амона, провозгласил культ единого – осязаемого, зримого – бога Атона, солнечного диска.

Звали фараона Эхнатон.

Он не отличался воинственностью, подобно Тутмосу Третьему. Зато царствование его богато великолепными мастерами – гениями зодчества, ваяния и живописи.

При жизни к нему относились по-разному. Спустя три тысячи лет ученые-египтологи также относятся к нему различно. Это даже удивительно! Одни пишут о нем восторженно, слишком восторженно. Другие обливают грязью. Равнодушным не остается никто!

Брестед называет его так: «Первый индивидуалист истории», «Самая замечательная фигура на Древнем Востоке». Кеес пишет: «Этот болезненный, безобразный деспот, необузданный в мыслях и в поведении». Перепелкин и Коростовцев, по-моему, держатся середины.

Послушаем Уэли: «Эхнатон сказал “первое солнечное слово”» – и Бернара: «Бесноватый эпилептик, вышедший из ада, чтобы разрушить осирическое предание».

А вот мнение Гардинера: «Быть таким умным, как он, в те времена значило навлечь несчастье». А Шарф осуждает Эхнатона как государственного деятеля, пренебрегшего интересами своей страны.

Питри говорит: если бы культ Атона «был новой религией, призванной для примирения с нашими научными понятиями, мы не нашли бы изъяна в верности этого взгляда на энергию Солнца». Антес инкриминирует Эхнатону неограниченный рационализм. Ланге, напротив, высоко оценивает духовную мощь Эхнатона, стоявшего «по ту сторону рассудочного, явившегося из глубин, чтобы выполнить миссию египетской культуры».

Вейголл видит в нем блаженного эпилептика и предшественника Христа. Майер и Масперо объясняли реформы Эхнатона борьбой со жречеством. Павлов пишет: его «учение... нанесло тяжелый удар по консервативному фиванскому жречеству». А вот что говорила Матье:

Эхнатон «пошел на открытый разрыв со знатью и жречеством...», «солнечный диск... был объявлен создателем мира и всего этот мир населяющего». Уилсон утверждает, что «революционная» партия Атона была «равнодушна к захвату колоний и к захвату Азии».

Я назвал имена и привел мнения, известные египтологам всего мира.

Таков диапазон суждений о личности и реформе его величества Нефер-Хеперу-Ра Уен-Ра Эхнатона (он же Наф-Хуру-Ра, он же Аменхотеп Четвертый! Можно подумать, что фараон скончался только вчера.

Я знаю о нем все или почти все, что может знать человек, живущий в нашем веке. Я прочитал о нем гору научных книг и часами вглядывался в его скульптурные изображения в каирском музее. Однако книги слишком умозрительны, а камень чрезмерно холоден.

Я ходил по земле Ахетатона, нынешней Эль-Амарны. Как известно, палеонтологи по одной кости воспроизводят образ мамонта. По прелестному мраморному порогу на развалинах дворца Нефертити или даже огромному мозаичному полу Ахетатона трудно вообразить, что здесь было: столица Эхнатона растаяла, как ледяной дом. Но кое-что все же можно представить себе, призвав на помощь рисунки из гробниц и шестое чувство...

Так обстоит дело.

А теперь обратимся к нашему рассказу. Он начинается в первых числах месяца фармути (январь – февраль) и заканчивается в середине месяца паони (февраль – март) 1347 года до Рождества Христова.

Место действия – столица Кеми Ахетатон.

Часть первая

На переправе

Можно ли уловить границу ночи и утра? Да, вполне. Если даже наступил месяц фармути с зябнущим в полночь небом и предрассветной зимней прохладой. Ты всегда уловишь эту границу, если стоишь на берегу царицы рек Хапи¹; если прошел огонь пустыни и жег себе пятки на песчаной сковороде; если ты зол и голоден; если сердце твое стало камнем и каждое слово твое что рычание льва...

– Я долго ждал этого мгновения, – негромко сказал Нефтеруф. Он дышал, как раненый зверь. – Я сказал себе: если увидишь, Нефтеруф, то, что увидишь, – считай себя безмерно счастливым. Так говорил я себе, Шери, идя по раскаленным угольям пустыни, дыша зноем земли и обжигая себе ноздри. Я был хуже собаки, Шери: я готов был жрать падаль.

В шагах ста была переправа. Нефтеруф и Шери слышали плеск воды и приглушенный людской говор. На границе ночи и утра и тихий плеск, и тихий говор – явственней, чем днем, когда все звуки мира соревнуются между собою.

Кто-то доказывал, что ладья переполнена, что края бортов ее – всего на локоть от воды, что он не вправе нарушать приказ главного начальника переправ его светлости Пауаха. Другой – глуховатый, степенный голос – возражал ему: дескать, есть еще в ладье места, что ему, как гонцу, должно оказываться особое внимание, что нельзя его заставлять ждать. Перевозчик упрямо стоял на своем. А гонец настойчиво требовал. Наконец в спор вмешалось несколько голосов, и невозможно было понять что-либо...

Но вот зажегся фонарь на носу, и ладья медленно отчалила. Судя по всему, гонца пришлось взять...

– Я узнал его голос, – сказал Нефтеруф и заскрежетал зубами. Как в лихорадке.

Это был рослый круглолицый мужчина. Грязные лохмотья прикрывали его тело, и можно было понять его желание как можно раньше – еще до света – переправиться на тот берег. Его крепкие, как стекла из Джахи, зубы сверкали в темноте, свидетельствуя о телесной мощи.

Настоящее имя его было совсем другим: Усеркааф или Усеркееф. Оно не похоже на Нефтеруфа, так же как этот грубый оборванец-здоровяк – на аристократа из Уасета по имени Усеркааф или Усеркееф. Человек не властен над временем, и обстоятельства порой сильнее самого времени...

– Этот гонец разыскивает меня, Шери.

Шери сказал:

– Нефтеруф, ты слишком подозрителен, и тебе мерещится преследование. За тобою помчались вверх по Хапи, а сам ты – здесь, у стен столицы.

Шери стоит позади Нефтеруфа, точно скрывается от глаз, наблюдающих за ним с того берега. У фараона – надо отдать справедливость – глаза ястребиные, и гнев его простирается по всей вселенной. Поэтому надо быть постоянно начеку, надо иметь десять глаз и десять ушей. И никогда не пренебрегать осторожностью! Рожденные в это проклятое время, живущие на одной земле с фараоном вынуждены заимствовать звериные повадки: чаще ползти на брюхе, а не ходить в полный рост, и выбирать густые тени, избегая света. В Ей-н-ра², откуда происходил Шери, давно и хорошо усвоили эту истину. Еще во времена Нармера и Хуфу.

---

¹ Хапи – Нил.

² Ей-н-ра – Гелиополь.

И по характеру своему, и по внешнему виду Шери отличался от Нефтеруфа. Худощавый Шери был совсем иным. Он как бы восполнял то, чего недоставало Нефтеруфу. Нефтеруф готов был идти очертя голову через Великую Западную пустыню, чтобы добиться своего. А Шери предпочитал плодородные, хотя и далекие, берега Великой Зелени³; кружной путь – прямому. Ей-н-ра испокон веку находился под боком у великого города Мен-Нофера⁴, и соседство это кой-чему научило горожан Ей-н-ра. Невысокий, жилистый, малозаметный среди толпы, Шери как бы самой природой был создан для замыслов коварных, для маневров обходных, для нападений сзади, ударов в спину – меж лопаток.

Его родители владели обширными землями в Дельте. Их дома считались первыми в Ей-н-ра. Воистину уважаемые люди прекрасного и славой стародавней, и внешним обликом города! Так что же случилось? Почему некогда блистательный Шери вынужден ни свет ни заря бродить по пустынным берегам и проклинать толстые и высокие стены на том берегу? Почему достойный Нефтеруф должен уподобляться гиене, живущей вдали от людей? Все, все перевернул вверх ногами женоподобный человек, спящий в эти мгновения за толстыми и высокими дворцовыми стенами Ахетатона, и рассказ обо всем этом – дело не одного дня...

Шери повторил:

– Нефтеруф, ты слишком подозрителен. Это ремесленники направляются в город. Это лгун, объявивший себя гонцом, требовал для себя места.

Нефтеруф разжал кулак, и в темноте перед глазами Шери – очень близко – возникла грубая ладонь, пахнущая потом.

– Ты видишь ее? – спросил Нефтеруф. – Это пустая ладонь, и любая складка на ней – точно знак на обелиске – ясна и понятна. Вот так же ясно мне и понятно все, что творится на многострадальной земле Кеми! Я вижу душителя нашего с царскими знаками отличия в руках. Вижу и тех, кто задыхается от трудов и забот. Вижу знать – великую опору Кеми во все времена, во все времена! Я хочу сказать, Шери, что слышу не только ушами, но и сердцем, вижу не только глазами, но и душой. Повержен Амон, боги наши преданы проклятию, и все способные мыслить гниют на золотых рудниках. Я говорю это, потому что видел все своими глазами. Я пил гнилую воду и ел падаль. И я пришел сюда, где не ждали меня и не ждут, где враги мои, где логово врагов моих. Вот куда я пришел!

Нефтеруф говорил горячо, и каждое слово – будто рык львиный.

Ладья плыла где-то посредине Хапи. Ее носовой огонь был виден четко, как звезда Сотис⁵. А на том берегу – слева направо – дома, дома, дома. Точно шествие в большой праздник. И меж ними – будто солнце – огромный дворец. Он возникал на границе ночи и утра, как видение, как мираж в Западной пустыне. Подножия стен его тускло освещались сторожевыми огнями, в то время как крыша чернела четким силуэтом на темно-темно-зеленом небе. Деревья из загадочного Пунта и деревья из Ретену⁶, кустарники с острова Иси⁷ и деревья из Джахи⁸ чередой следовали друг за другом по всему берегу. И земля для них была привезена издали, и деревья были посажены в ту землю, и зеленели деревья так же зелено, как в Пунте, Джахи или Ретену.

– Дорога фараона идет вдоль реки? – сердито спросил Нефтеруф.

– Она идет вдоль. И дворец и храм выходят на ту дорогу. И она прямая как стрела.

– Куда же я должен идти?

---

³ Великая Зелень – так египтяне называли море, в частности Средиземное.

⁴ Мен-Нофера – Мемфис.

⁵ Звезда Сотис – звезда Сириус.

⁶ Ретену – Ассирия.

⁷ Остров Иси – о. Кипр.

⁸ Джахи – Финикия.

– Сойдя на тот берег – налево! Ты увидишь пекарню и обогнешь ее. Узкая улочка выведет тебя на площадь, тесную, как комната. Становись лицом к востоку – там будет дом. И ты увидишь окно, единственное в своем роде: широкое и высокое. Это красавица Ка-Нефер устроила его так, чтобы гулял в доме сквозной ветер. Устроила на манер хеттов. Я скажу тебе сущую правду: она будет тебе другом. Как мужчина.

Для Нефтеруфа этой рекомендации было мало. Великая подозрительность гнездилась в его сердце, и он не мог довериться женщине, особенно если она красива.

– Она красива. Очень красива и приятна собой, – подтвердил Шери, – но голова ее – вместилище мужской доблести и мудрости.

– Кто ее муж?

– Он – рисовальщик и ваятель. Человек молодой и тихий. Родился и вырос в Уасете. С утра он месит глину или долбит камень.

– Есть ли у нее дети?

– Она бесплодна.

Внизу, на переправе, появился какой-то человек.

– Шлюпку для гонца! – крикнул он.

Где-то в камышовых зарослях заплескалась вода под веслами.

– А кто требует? – донеслось оттуда.

– Гонец из Абу!⁹ К его величеству фараону – жизнь, здоровье, сила!

– Шлюпка идет к причалу!

Нефтеруф схватил Шери за руку.

– Слышишь? – прошептал он.

– Да.

– Из Та-Нетер!¹⁰

– Да.

– Это за мной!

– Нет!

– Он сообщит, что я бежал.

– Может быть. Но ведь бежишь не только ты один. Не только тебе опостылела жизнь в золотых рудниках.

– Это верно.

– Люди встают для битв.

– ...и победы!

Гонец, как видно, уселся в шлюпку. И она поплыла к другому берегу. Эти двое проводили ее взглядом до самой середины реки, где она смешалась с предрассветными тенями.

Нефтеруф не сводил глаз с города и его главного дворца. Это чудо, воистину чудо, сотворенное за три года! Вырос город, вырос город на ровном, пустынном месте. Город, не уступающий красотой прославленной Ниневии¹¹ и даже самой столице хеттов! Но это – красивый, проклятый город, и строил его проклятый человек...

– Курва он, курва! – задыхаясь, проговорил Нефтеруф.

Шери понял, о ком речь...

«...Этот женоподобный ублюдок загнал нас в нору. Мы едим в той норе землю. И в наших глазах – песок! Знать всей Кеми – в той самой норе. Он загнал нас в нору! Я пришел сюда умереть. Но умру не только я! Не только я! Не для того шел я через пустыню и не для того ел землю...»

---

⁹ Абу – Элефантина, древнегреческое название острова на р. Нил.

¹⁰ Та-Нетер – Пунт – по-видимому, современное Сомали и близлежащие земли.

¹¹ Ниневия – столица Ассирии.

Нефтеруф чуть не рвал одежду на себе; гнев его беспределен. Это был взбесившийся буйвол.

– Курва он! Слышишь, Шери?! Сволочь он, сволочь, сволочь, сволочь!..

Шери усадил его на землю. Чтобы поостыл Нефтеруф. Чтобы разум его возобладал над гневом... Долго еще ругался Нефтеруф, а потом – утих. Ровнее задышал. Успокоился. Совсем. Прошел самум, и все улеглось...

И они снова вернулись к Ка-Нефер.

– Мне она обязана жизнью, – сказал Шери. – Десять лет тому назад, когда выстроили этот проклятый Ахетатон, ее чуть было не выкрали вавилонские купцы. В провинции Гошен я повстречал их, и она бросилась ко мне. Мать ее хеттитка, а отец – отважный воин из Мен-Нофера. Я спас двенадцатилетнюю девочку из плена. Воистину это львица в облике кроткой девы, и слово мое для нее – закон. Она ждет тебя.

Шери передал своему другу кусок папируса – точнее, обрывок – с печатью на нем и коротким, малопонятным для постороннего набором заветных слов...

Нефтеруф жадно выискивал в странной темноте очертания ладьи. По его расчетам, она уже плывет обратно. Он непременно должен попасть на нее, иначе рассветет, а этого очень не хотелось бы...

– Сколько ему лет? – жестко спросил Нефтеруф, стоя лицом к реке.

Шери ответил:

– Тридцать четыре. А может, тридцать пять.

– Он моложе меня на десять лет.

– Да, но он плюгавенький.

– А такие живут до ста.

– О нет!

– А я говорю, до ста! – Нефтеруф резко повернулся к Шери: – Я, кажется, с ума схожу.

– Уймись же, Нефтеруф!

– Наверное, нет более наших богов! Нет их в целом свете!

– Не богохульствуй!

– Ни Амона-Ра, ни Озириса, ни Изиды, ни Гора, ни Тота... Никого нет!

– Помолчи же!

Нефтеруф поднял вверх кулачища:

– Тогда зачем же они все это сносят? Откуда их бессилие? Ответь мне, Шери!

Шери сказал:

– Они молчат до поры до времени. Но приговор их будет суров.

– Ерунда!

– Он будет подобен грому.

– Чепуха!

– Они низринут его...

– Они? Никогда!

– И суд их будет воистину потрясающим!

– Только мы с тобою можем судить его!

– С их помощью, Нефтеруф, с их помощью...

Нефтеруф снова выругался, точь-в-точь как там, на рудниках. От такого ругательства в пору затыкать уши. И он сказал, строя гримасу на лице, будто ел прокисшую винную ягоду:

– Открой мне, в чем сила этого женоподобного? Я никогда не поверю, что Кеми держится на горбу Эхнатона. Никогда! Я должен доподлинно знать, где тот столп, на который опирается свод нашего государства. Надо знать врага истинного, а не подставного. Кто же тот могущественный враг, который упек меня в жуткую дыру? Кто закинул туда, чуть ли не к истокам Хапи? Посмотри, скажу не хвастая, могу вступить в единоборство со львом. Не отступлю от

зверя! И чтобы одолел меня этот человек с округлым женским задом? Да я же его и человеком не считал! Его покойный отец, чье имя сын соскреб со всех камней, вызывал уважение к себе. Хотя бы видом своим. А этот?... Курва он – вот кто!

Шери прошелся быстрым взглядом по верхушкам дворцов, мысленно представил себе ненавистного фараона.

– Он... – проговорил Шери зловеще.

– Что – он?

– Он способен на все!

– Не верю.

– На многое... Если мы с тобой пренебрежем хотя бы малейшей осторожностью – очутимся в подземелье. И ты и я. Оба вместе!

– Ты не трус, Шери.

– Как будто так.

– Поэтому я верю тебе... Но ведь всё – буквально всё! – говорит о его малодушии...

– Например? – сухо спросил Шери.

– Враги теснят его повсюду...

– Точнее: где?

– Хетты на севере... В Ретену... Эфиопы бьют!... Не довольно этого?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что он может согнуть нас с тобой в бараний рог. Для этого достанет у него и силы и воли. Рекомендую тебе: осторожность, осторожность и еще раз осторожность!

– Но ведь этак можно превратиться в бездельника. Осторожность хороша, когда она точно отмерена.

– Об этом и идет речь.

– Между тем ты отдаешь меня в руки некоей красавицы. Тут, по-моему, предосторожностью и не пахнет...

– О нет! – Шери остановил его властным жестом. – О нет, ты не прав. Вот встретишься с нею. Потом мы повидаемся с тобой. И тогда скажешь свое мнение. А до того, прошу, не настраивай себя против Ка-Нефер. Мне это очень неприятно... Она тебя познакомит с его светлостью Хоремхебом...

– Светлостью?! – воскликнул Нефтеруф. – И Хоремхеб стал светлостью! Вот в какое чудное время мы живем! Я могу представить себе любую светлость, но только не этого мужлана...

Шери дал ему выговориться. Бывший каторжник сыпал словами, перемешанными с проклятиями и отборной руганью. Неблагодарно было останавливать его – на это потребовалось бы слишком много сил.

«...Он очень сердит, он очень обижен. Воистину этот Нефтеруф явился сюда, в Ахетатон, чтобы совершить правосудие. Если не этот – тогда уж никто! Ибо никто так не обозлен, как Нефтеруф, и нет человека сильнее Нефтеруфа. Он свое сделает. Он обязан сделать это!...»

– Ты свое сказал, Нефтеруф?

– Не совсем.

– Я подожду. Я не тороплюсь. Я слушаю.

Шери говорил очень тихо и очень спокойно и сумел этим нехитрым способом остановить горячего друга.

– Спокойствие, спокойствие, Нефтеруф, – сказал Шери.

– Не могу слышать это слово! Если бы ты пробыл в дыре, которая именуется золотым рудником в Желтых горах, – вел бы себя иначе. Тогда бы ты схватил камень и постарался бы забросить его во двор этого проклятого дворца. – Нефтеруф кивнул туда, за реку. – Бросить в надежде, что он попадет по назначению...

– Сейчас тебе придется сойти к реке...

К переправе подплывала черной тенью огромная ладья. Да, надо идти... Шери счел необходимым еще и еще раз предупредить своего единомышленника.

– Нефтеруф, мы с тобой будем связаны. Невидимо для чужих глаз. Ка-Нефер – хороший посредник. Ты обживись в этом городе. Постарайся не выдать себя. Ты понял меня? Не выдать! Я обращаюсь к твоему разуму: возьми себя в руки, остуди себя.

– Мне обидно. Очень обидно. Я готов рыдать...

– Остуди себя!

Нефтеруф как бы обращался к самому себе:

– Вот мы оказались в одном ряду с жалкими простолюдинами. Мы взяли с ними за руки. Как равные. Они сделались нашими союзниками. Скоро мы будем кланяться им. Благодарить их!.. «Спасибо вам, спасители наши! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо...»

Нефтеруф – этот лев – согнулся в три погибели, словно нищий, и кланялся, кланялся, кланялся...

– Остуди себя! – приказал Шери.

– Нет, это очень неверно, – сказал Нефтеруф, вдруг выпрямившись и странно улыбаясь. – Послушай, Шери: вот стоишь ты, потомок великого рода, а рядом с тобой – грубый, недостойный, полуголодный мужик. И ты в союзе с ним, ты называешь его братом, ибо вы оба – против фараона. Так повернулось время! Так повелели события! Против твоей воли. И против моей. И мы бессильны поступить иначе: мы должны крепко держаться этого союза с теми, кто копошится в грязи! С этими жалкими немху!¹²

Нефтеруф сплюнул. Ему было противно. Все противно! Ненавидел себя, Шери, весь мир!

А Шери поразительно спокоен.

– Ну что ж, – говорит он, – подержим немного грязную лапу, знак союза, – лишь бы одолеть этого. – И совсем шепотом. Эдаким зловещим: – Этого! Это чудовище! Это омерзительное создание!.. Думай только об этом... Только об этом. Ибо он жаждет твоей крови, а не сапожник какой-нибудь. Он, а не крестьянин. Он, а не рыбак. Он, а не харчевник. Он, а не мелкий писец. Он, а не пахарь. Он, а не каменщик. Он, а не носильщик тяжестей. Он, а не пастух. Он, а не... Словом, он, он, он... Понял ты?

– Понял, – буркнул Нефтеруф.

И он почти побежал к переправе. Шери дождался мгновенья, когда ладья снова отчалила в чернильную реку. Вот-вот наступит рассвет. Ночь приближается к своему пределу. Сейчас покажется край утра.

Шери еще раз окинул взором лежащую за рекой столицу, вдохнул хорошую толику прохладного воздуха и медленно пошел вниз по реке.

---

¹² Немху – средние и мелкие землевладельцы.

Кормчий

Желающих переплыть на тот берег Хапи оказалось не так уж много: несколько крестьян с грубыми камышовыми мешками, несколько каменотесов с инструментами да горожане, возвращавшиеся из дальних поездок. Посредине палубы восседал главный кормчий – грузный мужчина средних лет. Кожа у него задубилась на солнце и походила на старую пальмовую кору. Он отдавал приказания сиплым голосом бывалого моряка. Глядя на него, Нефтеруф решил, что кормчий, наверное, плавал и в Та-Нетер, и на остров Иси. А может быть, еще дальше. Куда-нибудь на запад по Великой Зелени.

В темноте трудно было разобрать гребцов. Они, казалось, сидели где-то глубоко, в преисподней. Тяжелое, прерывистое дыхание доносилось снизу. Надсмотрщик над гребцами мерно отбивал такт на барабане, и ладья медленно двигалась к восточному берегу Хапи.

Плату за переезд взимал писец, пристроившийся возле кормчего. Он клевал от усталости носом и приходил в себя после строгого начальственного окрика.

Нефтеруф небрежно подал писцу серебряную пластинку, полагая, что ее вполне достаточно. Скриб¹³ не сразу разобрал, что ему всучили, Разглядев получше, он показал пластинку кормчему, молча кивнув Нефтеруфу. Кормчий, которого звали Прээмхабом, подлил рыбьего жиру в светильник. На палубе стало светлее. Буйное пламя высотой в два локтя трепыхалось в темноте. От этого еще мрачнее становилось вокруг.

Прээмхаб подошел к бывшему каторжнику.

– Я тебя знаю, – сказал он.

Нефтеруф даже бровью не повел.

– Ты человек щедрый, – продолжал кормчий, под началом которого работали два молодых человека у рулевого весла. – Такие всегда запоминаются. Но еще больше врезалась в память твоя обезьяна. Где она? И когда ты начнешь снова развлекать добрых людей?

Нефтеруф догадался, что его приняли за какого-то бродячего дрессировщика обезьян. И он сказал:

– Обезьяна моя издохла. Ее мумию захоронил с большими почестями. Скоро пришлют другую обезьяну.

– Неужели же краснозадую?

– Может, и краснозадую.

Кормчий глядел на него с восхищением. На медно-рыжем лице его сияла откровенно детская улыбка. «Мы все как дети, – подумал Нефтеруф, – когда речь заходит о забавах». Этот грубый и невоспитанный моряк мгновенно становился добряком, если обещали его ввести на любопытное зрелище, например, на бой вавилонских петухов или баранов из Ретену. Но, пожалуй, нет на свете ничего забавнее эфиопских обезьян...

– Послушай, – сказал кормчий, не сводя с бывшего каторжника сверкающих глаз, – может, ты возьмешь обратно свое серебро? Мы перевезем тебя задаром.

– Нет, спасибо. Не такой уж я бедный.

– Разумеется, не бедный... Я бы даже сказал, совсем напротив... А скоро ли ты покажешь нам свою обезьяну?

– Очень скоро.

– Если буду нужен – я всегда на переправе. А зовут меня Прээмхаб.

Кормчий отошел к своим и стал шептаться, время от времени кивая в сторону Нефтеруфа. Эти кивки не доставляли особенного удовольствия бывшему каторжнику, хотя он и гнал

---

¹³ Скриб – древнегреческий писец.

от себя мрачные мысли. «А вдруг это уловка?» – размышлял Нефтеруф. И на всякий случай приготовился к прыжку в воду: лучше крокодилы, нежели фараоновы подручные!

Он сделал несколько шагов вдоль высокого борта к тому месту, где начиналась зияющая пустота. Тяжелый дух подымался снизу. И не только дух, но и вздохи. Их не мог заглушить даже барабан, отбивавший такты для гребцов. К ударам барабана примешивалось позвякивание цепей. Среди гребцов, должно быть, находились и каторжники. В те мгновенья, когда сильнее разгоралось пламя светильника, можно было различить бледные лица, обрамленные черными бородами. «Азиаты», – сказал про себя Нефтеруф. Он был истым сыном Кеми, преисполненным благородного презрения к азиатам. Но нынче пожалел этих, позвякивавших невольничьими цепями.

Нефтеруф облокотился о борт, посмотрел на воду. Из черной она стала темно-синей – верный знак приближающегося рассвета. Вся жизнь представилась ему в виде этой Хапи, несшей свои воды к Великой Зелени с мрачной решимостью, но безо всякой радости. А разве не таковы годы, прожитые Нефтеруфом? Ну, давай припомним: с малых лет, насколько хватает памяти, – притеснения. Сначала его отец, Аменхотеп Третий, – чтоб ему пусто было! – а затем этот ублюдок. Звериная ненависть к семье Нефтеруфа не давала покоя им обоим. Ненависть или же зависть к богатству, к знатности рода? И то и другое. Амон-Ра тому свидетель! Это они, фараоны, – отец и сын – разжигали ненависть между знатнейшими людьми Кеми. Сколько же пострадало семей из тех, на ком держалась слава Кеми, кто наводил страх на врагов в далекой Азии?

Барабан утих. Кормчий крикнул:

– Сушить весла по левому борту! Грести вполсилы!

Ладья развернулась и поплыла по течению.

– Сушить весла по правому борту!

Барабан снова принялся отбивать такты – неторопливо, с большими интервалами. Великолепные гребцы работали молча, четко, в точности исполняя приказания кормчего. Приблизился правый берег Хапи, одетый в камень, украшенный обелисками и небольшими сфинксами. Высокие штандарты его величества встречали ладью точно живые.

Кормчий отдал короткий приказ своим помощникам, а сам приблизился к Нефтеруфу.

– Досточтимый, – проговорил он не без волнения, – я живу в том доме, что левее причала. У входа стоит весло. Это знак. По нему все узнают мой дом. Если ты пожелаешь когда-нибудь навестить меня, мой дом, – холодное пиво и горячие лепешки всегда найдутся для тебя. Все будут рады. Не говоря уж о моей хозяйке – госпоже дома, которая любит забавнейших обезьянок. Говоря по правде, это она таскала меня на все твои уличные представления.

«...Это худо. Женщина лучше разбирается в чертах запомнившегося ей мужчины, нежели этот добродушный кормчий. Не надо без особой нужды попадаться на глаза его жене...»

– Как зовут госпожу твоего дома? – спросил Нефтеруф.

– Таусерт, досточтимый.

– Передай ей, что я высоко ценю ее внимание. Передай, что ей и детям ее желаю высших благ, какие только возможны под синим небом.

– Передам. Непременно. Но мы бездетны. Она очень обрадуется твоим добрым словам. Говорят, что вы – укротители всякого рода зверья – обладаете особым даром.

– Это так, – бесстрастно подтвердил Нефтеруф, думая совсем о другом.

– Мне рассказывал один халдейский купец, что есть на свете люди, которые могут все. Они оживляют убитых и убивают живых своим взглядом, подобно ядовитой стреле.

– Да, это так.

– Смею ли я спросить еще?

– Да, – сказал Нефтеруф, не спуская острых глаз ни с одного из помощников кормчего.

Прээмхаб говорил дрожащим от волнения голосом.

«...Этот страшный с виду моряк на самом деле наивен и чудаковат. Если его госпожа под стать ему – опасаться мне нечего...»

– Досточтимый, – говорил Прээмхаб, – я был на острове Кефтиу¹⁴ и видел там одного подслеповатого, бородатого старика. Он сказал мне: «В моем сердце горит огонь добра и зла. Я могу запустить в любого смертного стрелу добра или стрелу зла». Так сказал мне подслеповатый старик с острова Кефтиу, что на Великой Зелени. Можешь ли ты сказать, что и в твоём сердце горит огонь добра и огонь зла?

– Да, – твердо ответил бывший каторжник.

Кормчий так оробел, что раззявил рот и вытаращил глаза, словно на него полетела смертоносная стрела зла.

– Господин, – выговорил он не без труда, – наш дом всегда будет ждать столь великого человека, как ты.

– Спасибо.

– Моя госпожа Таусерт всегда к твоим услугам.

– Спасибо... Но в каком смысле к услугам?..

Нефтеруф немножко развеселился. Ему очень захотелось знать, чем может быть полезна жена кормчего. Но тот был начисто лишен дара иронии или юмора.

– И я, господин укротитель обезьян, к твоим услугам.

– Спасибо!.. – Нефтеруф предупредил его: – Мы, кажется, ударимся о берег.

Кормчий вдруг пришел в себя. Он посмотрел на причал и крикнул:

– Эй, свиньи, влево кормило, влево!.. Покруче, свиньи, покруче!

И побежал, чтобы самому принять участие в тяжелой работе рулевых.

Базальтовый причал все ближе, все ближе. Он тоже черный в эту темень. Но его легко отличить от воды, ибо природа их разная – вода и камень! Нюх у Нефтеруфа стал подобен собачьему, – острым, очень острым. Вода имеет один запах, земля – другой, камень – третий и так далее. Базальт отдает мхом. Гранит – сухой травой. Булыжник – морской солью, песок в пустыне – копытами верблюдов и шерстью львов и гиен. Нефтеруф мог поспорить с кем угодно, что причал – базальтовый. Розовый. Может быть, в нем, бывшем каторжнике, и в самом деле – таинственная сила, которую угадал этот кормчий?

Барабан умолк. Гребцы кашляли. Сморгались. Промывали водою глотки. Крестьяне взвалили себе на спины тяжелые ноши. Ремесленники нетерпеливо бросились к сходням. Вот-вот ладья коснется причала. Прээмхаб со своими помощниками живо выровнял курс: ладья круто повернула влево, легко поплыла по течению и, направляемая умелым движением рулевого весла – большого и тяжелого, правым бортом придвигалась к причалу.

Нефтеруф пристально вглядывался в берег. Он угадывал – все тем же нюхом – присутствие каких-то людей. Но кто они? Желающие переправиться на левый берег? Или фараонова стража? Надо подготовиться к ответу на вопросы. Со стражей шутки плохи. Соваться сюда, в столицу, – сущее безумие, безрассудство, которое или погубит его, или вознесет наверх, подобно змею из папируса. Он почувствовал, как забилося сердце, как вдруг ослабли колени. Это случалось с ним не часто. Иначе как бы бежал он с рудника, как обманул бы стражу, бросившуюся искать его в Эфиопии? Облик оборванца, идущего в столицу неведомо зачем, неведомо к кому, – слишком легкая добыча для стражи. Вовсе не надо обладать умом мудреца, чтобы заподозрить здесь что-то необычное. Впрочем, это сказано слишком строго: разве мало нищего люда стремится сюда на строительство гробниц, мало ли землекопов и ремесленников, потерявших человеческий облик?

И все же сердце тревожно билось...

---

¹⁴ Остров Кефтиу – о. Крит.

«...Есть у меня нож за пазухой, на груди. Он не подведет. Имеется яд в рукаве. Он тоже не подведет. Страже фараоновой не придется ликовать. В лучшем случае они получают мой труп. И могут показать его самому ублюдку...»

Вот ладья коснулась камня. Вот закрепили на берегу носовой канат и канат кормовой, поставлены широкие сходни. Люди двинулись вперед, и Нефтеруф попытался протиснуться в их небольшой, но тесный круг.

Но тут он почувствовал на плече своем чью-то тяжелую руку. Оглянулся и увидел: это он, кормчий.

– Господин, – сказал Прэемхаб почтительно, – не торопись, пусть пройдут эти простолюдины.

Нефтеруф гордо выпрямился, отошел от сходней.

Стража на берегу встречала прибывших немymi вопросами. Освещенный факелом пассажир коротко называл себя и излагал в двух словах цель своего прибытия в столицу.

Когда очередь дошла до бывшего каторжника, вперед выступил Прэемхаб. Он сообщил страже радостную весть:

– Вы видите, кто к нам прибыл?

Стража приблизилась. Один из военных поднял факел повыше.

– Ну? – спросил кормчий.

Стражники недоуменно молчали.

– Вы помните прошлогоднюю краснозадую обезьяну?

Солдаты разразились дружным смехом. Еще бы! Они хорошо помнят обезьяну и ее могучего ростом и силой хозяина, обещавшего укротить льва. Наконец-то он прибыл снова! Но где же обезьяна?

Кормчий успокоил их:

– Скоро прибудет и она!

Солдаты расступились, и Нефтеруф, кивнув им всем на прощание, пошел своей дорогой. И – скажем прямо – не без удовольствия.

Ка-Нефер

Он шел, косясь на дворец, светло-серой громадой растянувшийся вдоль Хапи. Другие дворцовые строения терялись в предраассветной темени. Далекие огни ночных стражей обозначали их пределы – воистину огромные. Какая бы ненависть ни обуревала бывшего каторжника к фараону – он не мог не признать, что построить такой город, да в три года, да еще на пустынном месте, что-нибудь да значит!

Дорога фараона, на которую вскоре вышел Нефтеруф, тоже удивляла своими масштабами, соразмерностью жилых строений, дворцов и храмов. Все, казалось, было подобрано так, что взаимно дополняло друг друга. Улица эта была освещена светильниками и покрыта – правда, местами – вавилонской смолой. Грязи здесь, как говорили, не бывало никогда. Это тоже было новшеством, которого не отнимешь у фараона. Он знал кое-что понаслышке про эти самые храмы: Бен-Бен, Пер-Хаи, Пер-Атон-Эм-Ахяти. Они прекрасны даже в эту пору. Так же, как дворцы.

Нефтеруф не мог не признать всего этого. По-видимому, он обладал достаточной объективностью в оценке недостатков и достоинств своего противника. Это сулило ему в будущем несомненные выгоды, ибо тот, кто вступает в единоборство с опытным правителем, должен уметь здраво оценивать происходящее, так же как и могущее произойти. Как говорят умные хетты, следует иметь две пары глаз: одну – чтобы смотреть вперед, а другую – чтобы видеть то, что творится сзади.

«...Я вижу все это. Я увижу еще кое-что. Но ничто не сможет изменить моего мнения. Это он загнал в земляные норы многих вельмож и знатных людей Уасета. Это он надругался над древними, исконными богами Кеми и их жрецами. Нет, ничто не изменит мнения об этом ублюдке... Сволочь он! Курва он!..»

Нефтеруф миновал пекарню, из которой тянуло ароматом свежеиспеченного хлеба. Вот она, узенькая улочка, ведущая к заветному дому с необычно широким окном наружу.

Амон-Ра до сих пор, безусловно, благоволил к бывшему каторжнику: все шло так, как будто кто-то руководил свыше, руководил безошибочно и точно. Ночная мгла держалась стойко; ноги легко несли, словно по давно знакомой дорожке, дома следовали точно в том порядке, как называл их Шери. Стражи, как нарочно, избегали Нефтеруфа. Бывший каторжник никогда не бывал в этой столице, но ориентировался не хуже старожил. Чему бы приписать все это? Нефтеруф знал, чему и кому: он горячо молился великим богам своих предков, не оставлявших его в одиночестве в самые трудные минуты.

А вот наконец и та небольшая площадь, и высокий дом, выходящий на площадь, и широкое окно, до которого не достать, если даже подпрыгнешь.

Ждут его здесь или не ждут?

Трудно ответить на этот вопрос. Может быть, да, а может быть, и нет. Хотя в окне и горит свет, но это ничего еще не значит. Скоро-скоро все выяснится...

Нефтеруф постоял немного, прислушался к ночной тишине. Ведь и тишина кое-что может подсказать, если умело ее слушать. Там, в горах, – под землей и на земле – научился Нефтеруф слушать и рев ветров, и тишину тишины. Ухо его стало подобием нежнейшего инструмента, воспринимающего то, на что не способно ухо обыкновенного смертного. Но еще лучше научилось слушать сердце, ибо без него глухи даже самые чуткие уши...

Нет, в этой части Ахетатона было очень тихо, как и подобает этому часу. Ничто не предвещало опасности, которая всегда над головой любого смертного, не говоря уж о бывшем каторжнике – беглеце и кровном враге фараона.

Он пересек площадь уверенным шагом – не слишком быстро и не слишком медленно. Если бы кто-нибудь и увидел его в это мгновение, то, несомненно, сказал бы про себя: «Вот

он, бедный, но довольный собой ремесленник, идущий домой после ночного бдения в мастерской». Нефтеруф подошел к низкой, прочной двери и постучал: опять же не слишком громко, чтобы не разбудить соседей, и не слишком тихо: так, чтобы могли услышать хозяева.

Дверь открылась как бы сама собой. Где-то в глубине длинного коридора стоял светильник. За порогом было темно.

– Это ты стучал? – спросил мягкий женский голос.

– Я не вижу тебя, – сказал Нефтеруф.

Женщина стояла тут же за дверью. Она сказала:

– Я здесь.

– Это дом госпожи Ка-Нефер?

– Я Ка-Нефер.

– Шери кланяется низко. Твой недостойный слуга присоединяется к его поклону и говорит тебе: «Привет тебе, госпожа этого дома, и да будут все дни твои долгими и непоколебимы в радостях, как бивни слона». Я – Нефтеруф, не достойный твоего гостеприимства.

Как видно, беглый каторжник не настолько еще огрубел под землей, чтобы позабылись слова красноречия и тонкого обращения. Его приветствие было воспринято с должным вниманием и оценено по достоинству. Он услышал из темноты:

– Нефтеруф? Какое редкое имя!

– Да, моя госпожа, это имя встречается не часто, и дала его мне моя бабушка, жившая в далеком оазисе в Великой пустыне Запада. Такое имя носил герой повести, которую она читала не по книге, а на память – от начала и до конца.

– Это имя – настоящее?

Как быть? Сказать или утаить? И каков смысл в том, чтобы скрывать от нее свое настоящее имя?

– Вымышленное, – признался он.

– Так будет лучше, – сказала она. Он не понял, что будет лучше.

– Входи же, – пригласила хозяйка.

Он перешагнул порог, полный доверия к этому голосу, звучавшему в темноте ночи сладкой флейтой.

«Если наружность ее соответствует хотя бы в малой степени голосу ее – это великое счастье для женщины, а также для мужчины, созерцающего ее».

Так подумал он, входя в дом, которого не знал никогда, но которому доверился так, как может довериться сын матери своей.

Потолок был низкий, и гость наклонил голову, в то время как хозяйка вела его вперед. И когда они очутились в небольшой комнате, где горел светильник, он увидел перед собой нечто поразившее его. Перед ним стояла женщина немного смуглая, чуть худая и чуть полная в положенных местах, казалось, чуть легкомысленная и чуть умная, как и положено красивой женщине. Тело ее просвечивало сквозь складки тонкого платья, и было оно из крепкого дерева – стройное и твердое. Глаза ее были светло-карие, как персиковые косточки. Ее пухлые губы и маленький нос соседствовали друг с другом в полной гармонии, и свет отражался на ее белых зубах, как на кварцитовом сколке.

Он смотрел на нее – дивясь ей и любясь ею. Она, в свою очередь, тоже была удивлена: перед нею стоял человек, несомненно, знатной крови, в лохмотьях, которые под стать уличному фокуснику.

Она вышла в соседнюю комнату и вернулась оттуда с рукомойником. Ка-Нефер полила гостя воды на руки и тщательно обриту голову и принесла чистый набедренник. И тростниковые сандалии тоже.

– Это тебе, Нефтеруф. Я не хочу, чтобы муж увидел моего гостя в таком виде. – Улыбнувшись улыбкой красавицы, она добавила: – Не сердись за это недостойное тебя подношение, но так это будет лучше: столица любит приличные одеяния и не всегда ценит истинный ум.

Он поблагодарил ее и, оставшись наедине с самим собой, живо сбросил свои лохмотья и обвязался тканью, пахнувшей благовониями Ретену. Он посмотрел на себя в медное зеркало, висевшее на стенке, и снова возблагодарил Амона-Ра, не оставляющего его своими милостями вот уже три недели – с тех пор, как он начал спускаться с высоких гор вниз по Хапи.

Нефтеруф поднялся наверх по деревянной лестнице. В просторной комнате с широким окном его ждали хозяйка и муж ее. Он был молод, высок, худошав. Прищурил глаза, будто пытался высмотреть в госте какую-то незначительную, для других неприметную черточку. Впрочем, профессия его объясняла этот любопытствующий прищур: ваятель обязан видеть дальше и лучше всех прочих людей.

«...Вот люди, в руках которых – моя судьба. И не только моя. Эта красавица... И ее молодой муж... Ваятель, который часто бывает рядом с фараоном... Что сулит их гостеприимство? Кто она? Кто он?.. Скорей бы, скорей бы узнать это получше...»

– Я прилетел к вам столь ранней птишкой, – вслух сказал Нефтеруф, – что боюсь, не вызвал ли неудовольствия?

– О нет, – ответила хозяйка.

– Его величество вот-вот встанет, чтобы приступить к работе, – сказал ее муж. – Разве это рано?

Ка-Нефер сказала, улыбаясь молодой и покоряющей улыбкой:

– Моего мужа звать Ахтой. Он ваятель и работает в мастерской Джехутимеса.

– Я знал одного...

Хозяйка перебила гостя:

– Если ты имеешь в виду молодого ваятеля Джехутимеса из Уасета, то это именно и есть тот самый Джехутимес.

– И ты тоже из Уасета? – спросил ваятель.

– Да, я живу там с малых лет. Родился я на небольшом оазисе Сипи, что в Великой пустыне.

Хозяева пригласили присесть к низкому столику, чтобы позавтракать вместе с ними.

В комнате не было ничего лишнего: лежанка, едва возвышавшаяся над полом, циновки, столик, несколько грубых скамей да два деревянных ларя у стен. Широкое окно было занавешено пестрой льняной тканью.

– Я думаю, что холодное пиво не повредит, – сказал Ахтой, разливая напиток в глиняные чарки. Ка-Нефер разломала на части горячую пшеничную лепешку, поставила перед каждым тарелку с жареной рыбой. За трапезой начался обычный разговор, столь же бессмысленный, сколь необходимый для того, чтобы гость чувствовал себя посвободнее. Он коснулся прежде всего погоды, которая установилась вслед за тем, как Хапи ушла обратно в свое ложе. Ахтой был учтивым, сдержанным собеседником, умеющим развлечь гостя, то есть развлечь в меру, без навязчивости. Ка-Нефер прислуживала, выказывая в этом отменное искусство. Эта чародейка умела так подать тарелку и так красиво убрать и унести все ненужное, что трудно рассказать.

Ка-Нефер загадочно улыбалась. Она как бы говорила: «Ну, что ты скажешь, господин? Не обманулся ли ты? Прав ли был Шери, так щедро рассыпавший по моему адресу?» Она умела так передать свои мысли, не произнося при этом ни слова, что Нефтеруф покраснел. Он попросил пива и залпом осушил чару: это придало ему чуточку дерзости.

Ахтой объяснил гостю, что лепит бюст, который может принести славу любому ваятелю.

– Ты не слишком скромн, – сказал, улыбаясь, Нефтеруф, отхлебывая пиво, какого он давно не пивал.

– Я говорю правду. Ее же я придерживаюсь и тогда, когда передо мною глина или же камень. Я их тоже заставляю говорить правду.

– Это каким же образом, Ахтой?

Ваятель поднял брови – черные и тонкие. Он сказал:

– Я пытаюсь лепить натуру такой, какая она есть. Соответствие природе делает изваяние правдивым. Оно при этом говорит правду. Будто человеческим голосом.

– Все это для меня вроде чародейства, – сказал он. – Я никогда не задумывался над этим. Весьма возможно, что камни говорят на нашем языке. Теперь я буду прислушиваться к их голосам.

– Их надо слушать сердцем, – пояснил молодой ваятель.

– Я это умею.

– Не сомневаюсь, господин.

– Увижу ли я твою работу?

– Если пожелаешь.

– Желаю, и даже очень!

Ка-Нефер обратилась к Нефтеруфу:

– Попроси его показать царицу...

– О нет! – Ваятель замахал руками. – Пока еще рано!

Нефтеруф поставил полупустую чарку на столик.

– Царицу? – удивился он. – Разве ты собираешься делать ее образ?

– Собираюсь ли? Я уже заканчиваю его!

Нефтеруф развел руками. И сказал:

– Я слышал много лестных слов о тебе. Но я никогда не думал, что сама царица сидит перед тобой.

– Царица?! – воскликнула Ка-Нефер. – А ну скажи, Ахтой, в каком виде она бывает в твоей мастерской.

Ахтой смущенно заулыбался.

– Скажи, скажи, Ахтой, – просила его жена.

– Ахтой, можно подумать, что она позирует в неприличном виде?

– Что ты, Нефтеруф! Это слово не пристало к ней!

Ка-Нефер прошептала, хитровато подмигнув:

– Он влюблен в нее...

– Замолчи, Ка-Нефер!

– Правда, он влюблен...

«...Однако этот Шери знал, куда посылает меня. Попасть в такое славное общество – чего еще надо! От них – прямой путь к царице! Нет, Амон-Ра не оставляет меня своей милостью!»

Придя к такому заключению, Нефтеруф обратился к Ка-Нефер:

– Любезная хозяйка, я понимаю щедрость твоего сердца, когда с такой легкостью говоришь о любви своего мужа к другой женщине, пусть даже царице. Это еще раз свидетельствует о силе твоей власти – воистину безграничной – над человеком, который тебе, несомненно, предан.

– Ты прав, – поддержал его Ахтой. – Ка-Нефер смеется, шутит, – значит, она уверена в себе. Но могу сказать по секрету: в царицу нельзя не влюбиться.

Ка-Нефер принесла свежих пирожных, усыпанных орехом. Новый кувшин пива, с точки зрения Нефтеруфа, еще больше облагородил трапезу.

– Разве царица так красива? – поинтересовался он.

– Как тебе сказать?..

– Обворожительная женщина, – подтвердила Ка-Нефер.

– Я бы выразился не так определенно. – Ахтой подыскивал подходящие слова. – В ней много притягательного. Ее бюст все еще хорош для тридцати лет...

– Тридцати двух, – поправила его Ка-Нефер.

– Тридцати, – повторил муж.

– Почему же, Ахтой? Она почти ровня его величеству.

– Нет, моложе...

Нефтеруф расщедрился.

– Ладно, – сказал он, – подарим два года матери-царице. Достопочтенной Ти, надеюсь, безразлично – два года больше или меньше!

– Не скажи, как всякая женщина, она не желает сдаваться. Она ревнует дочь к ее платьям и старается перещеголять ее. Можешь мне верить...

Нефтеруф чувствовал себя прекрасно. Ему казалось, что знает молодых людей вот уж много лет. С ними было просто, приятно. Несмотря на свои годы, и жена и муж принимали гостя с достоинством многоопытных людей...

– А все-таки в каком она виде предстоит перед Ахтоем? – спросил Нефтеруф хозяйку.

– Совершенно нагой.

– Нагой?! – поразился Нефтеруф. – Неужели нагой?!

Ахтой молча кивнул.

Нефтеруф развел руками и высказался иронически в том смысле, что в новой столице, должно быть, новые понятия о ваянии. О новых понятиях в области иноземной политики он вполне информирован. Сейчас модно отступать; и в Ретену отступать, и в Северной Джахи оставлять позиции, и в Палестине пятиться задом. В Эфиопии тоже доблестные войска Кеми кажут свои спины. Разумеется, не потому, что трусливы, но потому, что фараону, видите ли, недосуг затевать войны. Но это все – между прочим. Речь не о том... Разве не удивительно, что царица великого Кеми сидит нагая перед простыми смертными?..

– Не простыми, – прервал его Ахтой. – Почему же простыми?

– А как прикажешь вас называть? Неужели же богами?

Ахтой покраснел: это с ним бывало только перед приступом гнева или в мгновения острого недовольства. К счастью, вмешалась Ка-Нефер.

– Я все объясню, – сказала она, одаряя обоих мужчин попеременно своими улыбками, чудесными, как заря. – Для того чтобы понять царицу, надо поближе стать к его величеству – жизнь, здоровье, сила! – и к его великому дому... И в то же время, – она обратилась к мужу, – надо понять и тех, кто приехал сюда издалека, и притом впервые. Не каждый уразумевает все тонкости очаровательного Ахетатона. – Она уже улыбалась Нефтеруфу: – Не правда ли, столица очаровательна?

Ответ был подсказан самой хозяйкой дома. Ей нужен был ответ лояльный, ответ комплиментарный. И никакой иной! Другое дело – зачем? Об этом пока что можно только догадываться...

Нефтеруф налил себе пива.

– Этот ваш напиток хорош, – сказал он. – Хотя попробовал его только что. Я говорю: прекрасен Ахетатон, хотя я видел его одним глазом, и то ночью, и то впопыхах, торопясь в ваш счастливый дом.

Ответ понравился Ахтою. А еще больше его супруге.

«...Вот истинно догадливый и тонко воспитанный человек. Если Нефтеруф проявит столь же изощренную тонкость во всех делах – ему жизнь в столице улыбнется, а улыбка эта чего-нибудь да стоит. Этот воспитанный лев, несомненно, встретит понимание в первую очередь среди женской части столицы. А это совсем, совсем немало...»

Ахтой поддержал Нефтеруфа и развил его мысль. Он сказал:

– Чтобы представить себе красоту Ахетатона, надо пройтись на утренней или вечерней заре от Северного дворца до Южного. И не только Дорогой фараона, но и боковыми улицами и переулками. Идти вперед, задерживаться для лучшего обозрения, снова двигаться вперед и возвращаться на прежнее место, чтобы полюбоваться дворцами, храмами или домами вельмож. При всей кажущейся единообразной роскоши – на самом деле перед тобой возникают фасады, не похожие один на другой, отличные в деталях и в пропорциях. Скажем, дом его светлости Хоремхеба или дом его светлости Маху. Их надо непременно видеть самому, чтобы решить вопрос о том, что их объединяет в смысле зодческого мастерства и что отличает их. В первом случае колонны, украшенные листьями лотоса, ничем не отличаются по высоте и ширине от колонн Маху, построенных в виде связки стеблей папируса. Но если взглянуть получше? Разве не отличишь руку Май от руки Туту? Май все свое внимание обращает на отделку частей здания, в то время как Туту озабочен больше пропорциями, соотношениями плоскостей и проемов...

– Это что-то весьма мудреное, – сказал Нефтеруф. – Во всяком случае, моя голова не совсем приспособлена для такого рода бесед. Однако же не кажется ли тебе странным, дорогой Ахтой, что и один и другой зодчий, которых ты назвал, всегда должны принимать в расчет как отдельные части здания, так и соотношения стен, окон, дверей и лестниц?

У Ахтоя блеснули глаза.

– Как хорошо ты сказал! – обрадовался он. – Это как раз то, что исповедую я сам как ваятель и как зодчий, ибо мне, кроме глины и камня, приходится иметь дело и с чертежами домов и храмов. Было бы очень хорошо, если бы мы могли соединить в одном лице таланты Май и Туту – воистину богатырей зодчества, которых не знали в Кемии со времен Нармера.

– Объединить? – небрежно спросил Нефтеруф. – Объединить таланты?

– Почему бы и нет?

– Друг мой, – продолжал Нефтеруф, – не кажется ли тебе, что и Май и Туту, которых я не знаю, славны именно тем, что существуют порознь, каждый сам по себе? И что бы было, если бы все на свете соединялось и смешивалось в одной большой тарелке, наподобие шумерских блюд?

Ахтой, казалось, приперт к стенке рассуждениями Нефтеруфа. Но он не считал себя побежденным.

– Почему ты полагаешь, – возражал он, – что соединить два таланта, два их начала – это плохо?

– Ужасно, а не плохо!.. А самое главное, тогда не было бы у тебя Ка-Нефер!

– Это почему же?

– Да потому, – пояснил Нефтеруф, – что красоту ее, если следовать твоему желанию до конца и во всем, пришлось бы разбавить с красотой какой-либо уродины. А ведь согласись, Ахтой, что нельзя ничего ни убавить, ни прибавить к лицу и любой части тела твоей славной госпожи.

Муж поглядел на свою жену с таким вожелением, словно и не лежал рядом с нею нынче же ночью.

– Я бы никому не позволил тронуть ее, даже дающему жизнь всему сущему. Тронуть – значит испортить чудеснейшее из творений.

– Возгоржусь, – кокетливо заметила Ка-Нефер, подвигая к гостю новое блюдо. – Не кажется ли тебе, Ахтой, что досточтимый Нефтеруф немножко прикидывается простачком?

– Именно прикидывается. Теперь я вижу, что предо мною – соперник, досконально разбирающийся в зодчестве.

– Только не это! – возразил Нефтеруф. – Я всего-навсего человек, умеющий повторять чужие, где-то услышанные или где-то прочитанные мысли. И если вы обяжете меня строить дом – из этого ничего не получится: я осрамлюсь!

С улицы донеслись голоса продавцов зелени и булочников. Утро вступало в свои права.
– Мне пора идти, – сказал Ахтой, подымаясь. – Мой учитель и начальник Джехутимес не любит, когда кто-либо из его мастеров опаздывает на работу.

Нефтеруф спросил его:

– Могу ли я рассчитывать на гостеприимство в этом доме?

– Ты говоришь обидные слова, Нефтеруф...

– Да, да, – вмешалась Ка-Нефер, – не следует задавать такой вопрос тем, кто является другом Шери.

– Вот это сказано и точно и красиво!

И Ахтой попрощался с гостем. Ка-Нефер проводила его до порога, где супруги о чем-то пошептались. Вскоре блистательная Ка-Нефер появилась снова с кувшином пива. Она окинула взглядом стол и, решив, что все в должном порядке, уселась на свое место. Ее волосы, заплетенные во множество тонких косичек, отливали синим цветом – так черны и так чисты они были.

– Здесь более нет никого, – сказала она как бы между прочим.

– У фараона уши длинны, Ка-Нефер.

– Они кончаются у порога моего дома.

– Это хорошо.

– Не совсем, Нефтеруф.

– Почему?

– Да потому, что неплохо иметь под боком соглядатая, который не скажет ничего и не выдаст тебя.

Бывший каторжник сказал:

– Да какой же это соглядатай, который тебя не предает?! Разве бывают такие?

Ка-Нефер прикрыла на мгновение глаза, – дескать, бывают.

– Говори, Нефтеруф, свободно и откровенно, так, как если бы ты разговаривал с Шери или с каким-нибудь близким другом.

– Благодарю тебя, Ка-Нефер! Я в таком положении, когда мне нужны верные уши и сердца.

– Кто же ты?

– Я достаточно долго испытывал твое терпение и ждал этого вопроса. Но я молчал, потому что не знал ваших отношений (он имел в виду Ахтоя). Как не знаю до сих пор. В Та-Нетер утверждают, что жена и муж – два конца одной палки...

– Одной палки, Нефтеруф?

– Точнее, хворостины. А хетты говорят: жена и муж – добро и зло.

– Где же добро и где зло?

– Это каждый раз приходится определять особо.

Ка-Нефер поднесла к губам чарку с пивом и пила его, о чем-то размышляя. Потом медленно поставила чарку на место, все о чем-то размышляя. Потом посмотрела в глаза своему гостю, тоже о чем-то размышляя. Это был взгляд и красавицы и мудреца. И добрый и жестокий, и нежный и колючий взгляд...

Нефтеруф с любопытством уставился на нее. Ему хотелось прочесть в ее глазах то, что скрывал язык ее. Это безумно трудно. Это слишком трудно. Но возможно! Для этого надо изнурить свое сердце и напрячь до предела ум. Для этого необходимо думать только о деле, не поддаваясь женским чарам, до которых так падки ординарные мужчины.

Она продолжала смотреть на Нефтеруфа, и ему казалось, что встретился с мудрою змеею, подобно Синехуту из старинной сказки. «В руках этой женщины – моя жизнь, – думал Нефтеруф, – она может мне даровать ее или погубить для бесславного существования в долине

Иалу... Вот она, Изида всемогущая, если верить Шери. Но не верить Шери невозможно, ибо Ка-Нефер должна быть именно такою, какую рисовал ее в лестных выражениях Шери...»

– Ты прав, – проговорила Ка-Нефер, – надо всю жизнь глядеть, как говорят в Мен-Нофере, в оба... Чтобы не ошибиться – в оба!.. Не правда ли, Нефтеруф, это очень обидно?

– Что обидно, Ка-Нефер?

– Вот так глядеть всю жизнь – в оба... Меня наставляли сызмальства, что следует остерегаться камышей на Хапи, ибо там живут крокодилы. Мне объясняли, что песок пустыни очень опасен своими обитателями – змеями. Меня пугали теменью. Пугали слишком горячим солнцем. Но почему-то мало говорили о том, что нет ничего опаснее языка человеческого, что опасно жить среди людей. Что, живя, все время надо думать о том, чтобы тебя не схватили за горло. Даже ночью думать об этом. Даже во сне!

Она говорила по-женски искренне. Без жеманства, присущего красавицам: такая задумчивая, углубленная в свои мысли, чем-то обеспокоенная...

– Неужели, Ка-Нефер, в твоей воистину чудесной оболочке, созданной для жизни, для увеселений, гнездятся такие мрачные мысли? Что значит человек! Я бы никогда – слышишь, никогда! – не подумал бы, что ты столь мудра в своих суждениях.

– При чем здесь мудрость?

– Именно она при том!

– Нет, Нефтеруф, не надо небольшое, воистину жалкое по сравнению со всей жизнью нашей наблюдение возводить в беспримерную мудрость! Я могу и обидеться, решив, что ты посмеиваешься надо мной, как над легкомысленной служанкой у колодца или в лавке торговца ароматическими маслами.

– О боги! – чуть не возопил беглый каторжник – Неужели же я столь неловок в выражении своих мыслей! Я лишь хотел воздать тебе должное, несравненная Ка-Нефер!

– Допустим, допустим...

– Я клянусь! – Нефтеруф поднял правую руку над головой. Затем сложил руки на груди и повторил: – Я клянусь!

Нефтеруф умолк. Протянул руку к финикам, засахаренным в меду.

– Я верю, – сказала Ка-Нефер кротко.

– Мне нельзя не верить, – горячо отозвался он. – В моем положении или молчат как рыба, или говорят только лишь чистую правду.

Она ждала его откровенных слов...

Он же вспомнил наставление халдейских чародеев, утверждавших, что не следует доверяться женщине. Особенно молодой. Особенно красивой. У него была еще возможность солгать, сказать ей неправду, сочинить свою жизнь, подобно иным скрибам, пишущим забавные или грустные истории на свитках папирусных. Он мог и вовсе промолчать. Мог встать и уйти, руководствуясь советами чародеев. Но в этом случае он должен был бы отказаться от того, ради чего прибыл в эту проклятую столицу, ради чего поклялся жить и отдать свою жизнь... Еще и еще раз взвесил он свое положение, свои возможности в этом городе... и тогда оказалось, что нет у него иного выхода, кроме как довериться этой красавице, которая смотрела на него испытующе; оказалось, что нет иного решения, кроме решения высказать ей все и просить содействия... Придя к такому заключению, к которому не без труда приходят люди мыслящие, люди многоопытные, он почувствовал облегчение...

«...Вот я и пришел на конец улицы, которая упирается в стенку. И нет у меня иного пути! Остается одно: прислониться к той стене и выплакаться. Нет у меня иного пути!»

– Ка-Нефер, – сказал он тихо, – десять лет я ел землю под землей. В горах, за четвертым порогом, человек быстро становится кротом, живущим в земле. И глаза у него делаются как у крота: он видит в темноте. Я искал золото для фараона. А некогда его искали для меня. В Уасете наш род был и знатным и богатым. Нас не чуждались фараоны. Более того: мужчины

нашего рода часто ели с царского стола, а женщины становились приближенными цариц и царевен. Так было некогда. Но что же стряслось с нами с воцарением этого?.. Ну, вашего... Этого самого... Род наш оказался с переломленным хребтом. Одни из нас погибли в горах за четвертым порогом или в Эфиопии. Другие сложили головы в Ретену или на границе с хеттами. И в Великой Зелени на кораблях погибли наши мужчины. Погибли простыми гребцами...

Она наблюдала за ним.

Он говорил тихо, спокойно, словно о чужой жизни. И не было волнения сердца в голосе его, и голос его звучал ровно, как у жреца, читающего молитву. И глаза у него были сухие. И он казался таким сильным, каким может быть человек, повидавший говорящую змею и не оробевший перед нею.

Ка-Нефер слушала не дыша, и этот человек был приятен ее сердцу. Она сказала себе: «Вот он, достойный того великого дела, за которое борется». Она была словно чародейка, и сердце ее видало далеко...

Нефтеруф продолжал:

– Я не буду утомлять госпожу рассказом о всех бедах, обрушившихся на наш род. Не скажу, что мы были единственными в своем горе. Множество знатных людей испытывало горечь изгнания и вкус каторжной жизни в горах, пустынях и на морях. Трудно найти свиток папируса, на котором можно уместить всю историю моего бедствия. Едва ли найдется и рука, которая сумеет описать все муки. Их может вынести только и только человек. И нет во вселенной животного, способного перенести нечто подобное. Иной раз казалось мне, что голова у меня мертва, как шумерская тыква. А кости мои? Они часто превращались в воду, и я не мог не только держаться на ногах, но и лежать на боках своих или на спине своей. – Нефтеруф едко заключил: – И все это благодаря стараниям его величества Эхнатона – жизнь, здоровье, сила!

Он сжал кулак, у него вдруг проступила желтая пена на губах и кровью налились глаза. И он не выдержал. Забыл, где он и кто перед ним. Он прошипел, подобно змее:

– Курва он, курва! Сын проститутки и сам проститутка!..

Ка-Нефер поступила очень верно, протянув ему чарку с пивом. Напиток остудил его кровь, и она снова вошла в русло своих жил и в пределы своего сердца...

– Прости, – проговорил он тихо и склонил голову перед нею.

– Нефтеруф, – сказала она, – я поняла все, я теперь знаю все, и рассказ твой подобен рассказу того мореплавателя, который вернулся домой живым и невредимым после кораблекрушения. Моряк словно побывал под брюхом крокодила, словно испытал на себе крепость челюстей гиппопотама.

Нефтеруф усмехнулся, и усмешка его была горше любого рыдания.

– Это гнев и ненависть к моему врагу укрепляли мое сердце и отшлифовали внешность мою, подобно тому как бушующее море обтачивает со всех сторон булыгу. Все помыслы мои были направлены к одному: выжить! Много людей валилось вокруг. Они подыхали как собаки, ибо были слабы, и гнев их не питал сердца. Человек без гнева умирает под землей, как насекомое, как бабочка-однодневка. Так уходит тот, кто не имеет в сердце своем мести и кто не видит постоянно перед глазами своими образ заклятого врага своего. Я жил и клялся отомстить. Я жил и ежедневно молился всемогущему Амону-Ра, который не свергнут, который жив и имя которого невозможно уничтожить. Пусть его величество посылает каменотесов, чтобы стереть имя бога с камней. Пусть он рвет папирусы, чтобы изничтожить имя бога. Тщетно! Это не под силу рукам человеческим. И я пришел, чтобы выполнить то, о чем клялся все десять лет.

– Чего же ты хочешь, Нефтеруф?

– Я?

– Да, ты!

– Разве это не ясно из моего рассказа?

– Ясно.

– Тогда зачем же спрашивать? Я пришел прямо ко двору его. Я пришел на порог его. Добрался до того места, где он не ждет меня. Шери сказал мне: иди! Он сказал: тебе поможет Ка-Нефер. Он сказал мне: Ка-Нефер – солнце видом своим и солнце яркое умом своим. И смелость ее равна смелости разъяренной львицы.

– Так он сказал?

– Да. Это его слова. Доподлинные.

– И я должна помочь тебе?

– Если пожелаешь.

Нефтеруф сидел точно перед судом Осириса. Ждал ее слов. Или он встанет тотчас же и покинет этот дом, или... Пусть она только скажет слово. Почему она смотрит на него глазами матери? И достанет ли доблести в сердце ее?..

Однако Ка-Нефер была тем, кем являлась И слово ее было так же верно, как верен ее глаз, исторгающий великую силу и великую нежность.

Ка-Нефер сказала:

– Мы будем действовать сообща. Мы сделаем то, что под силу только львам пустыни. Нефтеруф, будь спокоен под этой кровлей.

– Кеми будет жить, Ка-Нефер, пока на ее земле родятся женщины, подобные тебе. О, Хатшепсут¹⁵ наших дней!

И растроганный Нефтеруф закрыл лицо руками, коричневыми, как земля, и заплакал так, как плачет раненый буйвол.

---

¹⁵ *Хатшепсут* – египетская царица, правившая во времена Восемнадцатой династии.

Утро фараона

Над Восточным хребтом показался краешек солнечного диска Горы, солнце, небо – всего три цвета: сепия, золото и ультрамарин.

Над столицей зачинаялось утро. Быстро сокращались тени, исчезла ночная прохлада. Только Хапи по-прежнему плавно несла свои воды мимо дворцов и храмов, лавок и хижин.

Главный жрец дворцового святилища Атона постучал в дверь – требовательно, можно сказать, бесцеремонно.

– Твое величество, – сказал жрец звонким голосом, – бессмертный Атон облагодетельствовал землю своими лучами. Кеми ждет повелителя.

Он лежал на циновке, по-детски разбросав руки. Округлые бедра прикрыты тончайшей тканью. Как-то нежно, женственно скроен этот человек, за исключением мясистых губ, длинного носа и, пожалуй, несуразного подбородка.

Фараон мигом очутился на ногах. Посмотрел на восток Смирненно сложил руки на груди. Склонил голову перед солнечным диском. И, круто повернувшись, направился в приемный зал, мимоходом глотнув воды.

Он уже бодр. Ни следа от вчерашней усталости. Скорее, это был воин, беспрекословно выполняющий военную команду, нежели верховный глава вселенной.

Ему подали большую корону и царские знаки отличия – золоченую плеть и изогнутый посох, богато инкрустированный финикийскими камнями и слоновой костью.

«...Вот отец мой разбудил меня, и я снова иду, чтобы занять свое место и служить государству Кеми, чтобы служить народам вселенной подобно тому, как служит отец мой Атон блистательный в небе своей вселенной».

Фараон занял свое место. Слева от него, подогнув под себя ноги, сидели писцы. Их было трое. Его сиятельство Маху – Несущий опало справа от царя – почтительно ждал приказаний.

На миг верноподданные пали ниц, а спустя еще мгновение они были готовы к работе.

– Ждут ли меня гонцы? – спросил фараон.

– Их двое, – сказал Маху. – Один из Эфиопии, другой – с хеттской границы.

Тучный Маху сопел, будто взбирался на гору. Фараон покосился на него.

– Юг и Север, – проговорил с досадой фараон, имея в виду гонцов. – Любопытно... – Он постучал указательным пальцем по золотой бляхе, которая красовалась чуть повыше пупа... – Пожалуй, надо начинать с северного гонца. Оттуда наверняка идут неприятности. Лучше с самого утра покончить с ними. Выслушать неприятности – значит наполовину победить их... Что еще замыслили эти хетты? – сказал ворчливо фараон.

Вместо ответа грузный вельможа направился к высокой резной двери и открыл ее.

– Сюда! – крикнул он, указывая на усталого гонца, покрытого пылью пустыни.

Гонец сделал несколько шагов и упал наземь. Он лежал неподвижно, не решаясь взглянуть на благого бога – его величество Эхнатона, повелителя вселенной.

Маху взял у него из рук свиток папируса и передал писцам.

Фараон не ошибся: сообщение было не из приятных. Впрочем, в последние годы только и ждешь подвохов от этих проклятых хеттов. Они медленно теснят египтян – то прямо, не таясь, то скрытно, но неуклонно движутся на юг. Азиатские князья тоже осмелели. Они шаг за шагом, словно тучи, подползают к форпостам в горах Ретену. Нетрудно предвидеть, что будет через несколько лет. Может быть, не лет, а месяцев?

– Встань и приблизься, – приказал фараон гонцу.

Это был сухой, как палка, с горящими глазами молодой воин из легковооруженных полков. Превозмогая усталость, он сделал несколько шагов в сторону фараона.

– Можешь ли добавить что-либо к этому сообщению? – спросил фараон.

– Да, твое величество.

– Говори же!

– Прикажи нам идти в наступление! Прикажи послать нам помощь!

– Зачем? – спросил фараон, шуря глаза и поджимая губы.

– Чтобы сокрушить их!

– Кого?

– Хеттов!

– Ты такой сильный? – Фараон улыбнулся.

– Я – нет! – ответил воин, гордо вскидывая голову. – Твое величество сокрушит врагов, и мы будем избавлены от насмешек...

Фараон нахмурил брови:

– Каких насмешек?

Гонец не задумывался:

– Смеется над нами арамеец, сириец, израильтянин, вавилонянин... Смеются все, кому охота смеяться...

– Ты уверен?

– Я слышал смех своими ушами!.. Хетты подтягивают войска. Они терпеливо окружают наши крепости и, доводя наши гарнизоны до изнурения, отпускают их на юг, как они выражаются – на все четыре стороны. А на самом деле это одна сторона – Юг!..

Маху перебил его:

– Всего-навсего передвигают свои части. Передвигают только вперед и только на юг. В одних случаях они винят слишком строптивых военачальников, в других – гражданские власти, и при этом они извиняются. Весьма униженно и витиевато. Но войск своих назад не отводят.

– Да, это так, – подтвердил гонец.

Фараон сгорбился. Опустил голову. Казалось, стыдно ему выслушивать все это. Казалось, вот-вот подымется фараон и призовет войска под непобедимые знамена предков. Призовет и двинется на Север проторенной дорогой отцов и снова покажет миру всесокрушающую силу Египта...

Но он сидел недвижно и чуть не выронил из рук свои царственные знаки.

– Ступай, – сказал Маху гонцу, и тот уполз из зала. Совсем скрылся за резной дверью.

Фараон что-то шептал. Писцы притворились, что очень заняты. Они шуршали свежими свитками папируса, старались не глядеть на его величество: им было жаль фараона до глубины сердца.

Маху знал свое дело: вызвал гонца из Эфиопии. Протолкнул его грубо в дверь и подвел к трону. А сам отошел к стене и оттуда внимательно наблюдал за фараоном своими маленькими, бесстрастными очами.

А когда его величество Эхнатон поднял голову, он увидел перед собой курчавоголового чернокожего в сером плаще. Такого здоровяка с белыми зубами.

– Кто ты? – испуганно спросил его величество.

Чернокожий ответил глубоким поклоном.

– Кто?!

– Посланец главного начальника всех царских рудников в Куше.

– Что тебе надо?

– Твое величество, его сиятельство Пунах тысячу раз кланяется тебе, целует стопы твоих ног и посылает благодарность за все твои благодеяния...

– Дальше, дальше, – нетерпеливо перебил его фараон. Ему явно надоела эта идиотская напыщенность чиновничьей речи. – Что же дальше?

Посланец посмотрел в сторону Маху, словно прося у него совета Тот едва заметно кивнул. Знак был достаточно красноречивый.

– Твое царское величество, – сказал он, – десять преступников во главе с Усеркаафом...

Фараон привстал, бросил ближайшему писцу плеть и посох. Оперся руками о подлокотники, точно готовясь к прыжку.

– Во главе – с кем?

Чернокожий отступил на шаг.

– Во главе с Усеркаафом... – пробормотал он.

Фараон сошел с трона. Медленно двинулся к посланцу, все время повторяя: «Во главе – с кем?» Он не мог слышать это имя! Не мог! Не мог! Не мог!

– Только не говори мне, что он бежал! Только не говори мне, что он бежал!..

Чернокожий не сводил глаз с тучного вельможи. Тот подавал определенные знаки, подбадривая его.

– Да, бежал, твое величество, – выдавил из себя посланец не без робости.

Фараон вдруг остолбенел. Умолк. Уперся взглядом в белые, белые глаза этого посланца. Сплета пальцы и сжав их до белизны. Сжав губы. До белизны!

– Усеркааф подговорил стражу. Он подкупил ее добытым под землей золотом. И он бежал в Эфиопию. За ним устремилась погоня. Его сиятельство Пунах извещает тебя о том, что беглецы будут возвращены на рудники живыми или мертвыми.

Фараон приблизился к гонцу на расстояние локтя и, сдерживая гнев, сказал, а точнее, прошептал:

– Иди и скажи своему хозяину, иди и скажи ему, чтобы непременно известил меня о поимке преступников. Моих врагов! Моих смертельных врагов! Иди и скажи ему, что жду вестей от него в скором времени.

Фараон задыхался. Пена проступила на его губах. Глаза помутились.

Маху прикрикнул на гонца, и тот стрелой вылетел за дверь. Сказать откровенно, не без удовольствия.

Вельможа взял под локоть его царское величество и подвел к трону.

По широкому коридору уже шлепали босые дворцовые служители с примочками и холодной водой.

Завтрак

Старый Пенту медленно подымался по широкой лестнице. Навстречу ему спускался Маху.

– Достопочтенный Пенту, – обратился царедворец, – я посылал за тобой.

– Я чувствовал это, – произнес главный жрец дворцового святилища Хет-Атон. – В каком качестве я требуюсь? Духовника или врача?

– Наверное, врача.

Пенту официально занимал еще две должности: хранителя царской печати и старшины семеров¹⁶. Ему было около семидесяти лет. Еще при покойном фараоне Аменхотепе Третьем он занимал одну из четырех нынешних должностей, а именно должность врача его величества – жизнь, здоровье, сила! Покойный фараон умел подчинить своей воле окружающих. Он действовал неторопливо – медленно приближал к себе друзей и незаметно отворачивал от глаз своих впавших в немилость. Ее величество царица Ти, в ком, как утверждали, текла и азиатская кровь, настаивала на осторожных, тщательно продуманных действиях. Ее супруг был человеком горячим. Один взгляд его приводил к смирению строптивых царедворцев и семеров. Он был умен – и даже слишком! – для того, чтобы не отбрасывать все царицыны советы, но принимать во внимание наиболее достойные из них. Фараон справедливо полагал, что в многотрудных делах государственных не следует пренебрегать ни одним советом, не продумав его тщательнейшим образом.

Его светлость Пенту заметно одряхлел за последний год. Он становился чрезмерно сухощавым – вода уходила из его тела. Однако лицо не меняло своего выражения, оно казалось высеченным из розового песчаника, на котором небесный ваятель запечатлел мужество и решимость. Плотный нос с горбинкой, ровные брови, как бы прочерченные углем под линейку, и широкий подбородок не оставляли сомнения в том, что Пенту умел выказать в соответствующее время и стойкость и упрямство. Глаза его смотрели сквозь узкий прищур. Никто не знал, что в глазах его. Зато он видел все и знал обо всем...

Маху сопел. Он молча протянул руку, но Пенту отказался от помощи. Жрец восходил на второй этаж ровный, как тот самый посох, который держал в своей руке.

– Что с его величеством, Маху? – спросил он.

Царедворец пожал плечами.

– Обычное?

– И да и нет.

Пенту остановился, не дойдя двух ступенек до верха.

– Как понимать тебя, Маху?

– Его огорчила весть из Эфиопии.

– Что за весть?

– Бежал Усеркааф.

– Бежал?

Старик схватил Маху за руку и в одно мгновение преодолел две ступени. Он подпрыгнул, как мяч из шерсти.

– Что я слышу? – взволнованно прошептал он. – Это скверно, Маху!

– Да, хорошего мало.

– Куда же он делся?

– Говорят, ушел к эфиопам.

Пенту недоверчиво прищурился:

---

¹⁶ Семер – высший сановник, наиболее приближенный к фараону.

- Кто это может подтвердить?
- Прибыл гонец.
- Он не мог бежать один.
- С ним еще девять преступников. Самых ярых врагов его величества.
- Пенту нетерпеливо ударил посохом о каменный пол:
- Я хочу сказать, что у них имеются пособники. Среди стражей.
- Возможно.
- Нет, это вполне определенно! Я боюсь, что не только среди стражей. Но и повыше.

Совсем недалеко от трона. А?

Маху сильнее засопел.

Они отошли к высокой нише, где их никто не мог слышать, а точнее, подслушать.

– Пунах обещает водворить беглецов на место, – пояснил Маху.

– Обещает?

– Да.

– Скажи мне, Маху, дорого ты платишь за пыль в пустыне?

– За пыль расплачиваюсь только пылью!

– Это и есть цена обещаниям Пунаха!

– Ты думаешь, Пенту?

– Да! Только так! Этого Пунаха знаю давно. Я бы его не поставил надсмотрщиком над двадцатью азиатскими рабами. А он у нас начальник провинции! Если такие люди придут к управлению государством – пиши пропало! Этим бы только брюхо набивать себе да ближним своим. Не знаю, имеются ли основания подозревать Пунаха в пособничестве. Не хочу брать на себя лишнего. Ясно одно: Усеркааф должен быть изловлен, его следует водворить на место! В противном случае возможны всякого рода неприятности. Подраненный лев очень опасен. – Пенту многозначительно подчеркнул интонацией: – К чему новые неприятности в дополнение к уже имеющимся?

– Ни к чему! – сказал Маху.

– Ты прав стократ, Маху...

Царедворцы направились в трапезную его величества. Пол, по которому они шли, был расписан яркими, воистину живыми красками. Под ногами как бы простирался кусок прибрежной полосы Хапи. Посредине вилась проторенная тропинка, желтая, как в месяц эпифи. Зеленела трава. А по боковым стенам выше человеческого роста вытянулись камыши. Изображение было столь натуральным, что хотелось раздвинуть камыши, чтобы увидеть воды Хапи. Верхние части стен и потолок соответствовали голубому небу тоже в месяц эпифи. В воздухе носились дикие утки и гуси, мелкие пичуги и хищные ястребы. Меж зеленых рядов растительности невольно ощущался аромат распустившихся роз, точь-в-точь как в месяц эпифи.

Вход в трапезную легко можно было потерять из виду, ибо походил он на прогалину в камышах, по которой шествуют к реке и из реки на сушу тяжелопузые крокодилы. Так разрисовали стены и пол живописцы, согласно воле и указанию его величества.

Маху пропустил вперед главного жреца, и они вошли в трапезную. И здесь продолжался в своем великолепии прибрежный пейзаж Хапи. Под ногами вместо тропы оказалась прозрачная вода, но не очень глубокая, а так – с локоть. Рыбы различных пород резвились в воде: лупоглазые и с прищурью, серые и желтые, красные и белобрюхие. Эти рыбы как живые. Они резвились в прозрачной воде. Они глядели на тех, кто оказывался над ними, – озорно и приветливо, как бы приглашая отведать рыбных блюд. А по стенам – тонконогие олени и лани, антилопы и прочие звери, живущие на скалах Та-Нетер, выше и ниже Порогов Хапи, в Дельте и на Синайском полуострове, в горах Ретену и Вавилонна и на просторах пустыни. А рыбы были из тех, что водятся на море Тростниковом и на море Великой Зелени, в Хапи и озерах Эфиопии.

В этой комнате сидели за столиками его высочество Семнех-ке-рэ – предполагаемый приемник фараона, начальник царских закровов черный Панехси, жрец храма Бен-Бен Пауяк, вельможи Ману и Нахт, царский писец Яхмес и еще многие царедворцы – писцы, управители, жрецы придворного храма.

В смежной комнате на некоем возвышении восседали их величества с дочерьми. Вместе с ними завтракала царица-мать Ти. Верховный жрец Атона Эйе вместе со своей супругой Ти – кормилицей Нефертити – сидел неподалеку (за отдельным столиком). Как было принято здесь, в Ахетатоне, трапеза у фараона проходила непринужденно, без особенных формальностей. Царский церемониймейстер не был обременен особыми заботами.

Обе комнаты были отделены друг от друга легкой перегородкой с широким проемом для дверей, которые так и не были повешены на петли. Каждый из находящихся в большой комнате хорошо видел все царское семейство. По существу, это была трапеза за одним столом в одном зале – нововведение, которое не одобрялось противниками его величества. Впрочем, это был не самый главный пункт разногласий.

Пенту и Маху уселись на свои места. Жрец плохо видел. Он достал отшлифованный горный хрусталь и приставил к правому глазу. Этот магический камень обладал чудодейственным свойством – приближал отдаленные предметы. В настоящую минуту он был направлен на фараона. Его величество казался утомленным. Был бледен. Молча ел отваренную рыбу под горьким соусом. Хлеб из тонко просеянной муки был теплым. Это любимая еда. Но нынче его величество безо всякой охоты отламывал небольшие куски, скатывал их в руке и бросал на стол, так и не попробовав. Это был плохой признак. Обычно после любого приступа неприятной болезни он быстро приходил в себя. Вина он любил. Сам давал им названия. А нынче даже не прикоснулся к вину, которое было известно как «Восход Атона на небосклоне» (вероятно, из-за бледно-зеленого цвета напитка).

Царица, напротив, выглядела веселой. Непринужденно перешептывалась с дочерьми, сидевшими по левую руку от нее. Это были: Нефер-Нефру-Атон-Ташери, Нефернеферура и Сетепенра. Меритатон, старшая из дочерей, супруга Семнех-ке-рэ, не вышла к завтраку из-за головной боли, а Анхесенспаатон со своим мужем-красавцем Тутанхатоном находилась в Северном дворце.

Ее величество ждала, что царь обратится к ней с каким-нибудь шутивым вопросом (как это бывало обычно)... Она ответит ему так же шутиливо... Рассмеются присутствующие... Царица-мать прибавит что-нибудь от себя... Фараон умел так обставить завтраки, обеды и ужины, что каждый из них запоминался надолго. В это время не только ели. Но и дела делали. То кто-нибудь из вельмож заступится за какого-нибудь хаке-хесепа¹⁷, провинившегося, скажем, во время сбора урожая, то сам фараон вспомнит о ком-либо из сосланных за небольшую провинность на Синайский полуостров и помилует его. Одним словом, трапеза трапезой, а государственные дела вроде бы все время на виду...

Но почему фараон сегодня тих и мрачен? И не слишком ли часто в последнее время он грустит? Эти вопросы задает себе не один Пенту. И не только Маху. Больше всех тревожится ее величество Нефертити. Вот она наклоняется к дочери, а сама думает: «Что с ним нынче?» Она подает кусок дичи младшей дочери Сетепенре, а про себя: «Почему он не смотрит в мою сторону? Почему не ласкает дочерей своих?» Кийа в Южном дворце – и не это ли обстоятельство огорчает его величество?

Фараон, должно быть, почувствовал необычную неловкость, которая царилла за завтраком, или пришла пора перегореть в нем той горечи, которая отложилась на сердце после разговора с гонцом из Эфиопии? Трудно сказать что-нибудь определенное. Фараон был суще-

¹⁷ Хаке-хесеп – губернатор провинции.

ством сложным, извивы души его – похлеще тайников пирамиды Хуфу. Он неожиданно поворотился к ее величеству и спросил:

– Не кажется ли тебе, что нынче слишком тихо в этих комнатах?

Ее величество согласилась, что да, нынче за столами тихо. Говорят, что так трапезничают те, которые живут в Западной пустыне, где кончаются пески и начинаются плодородные земли, – в стране Та-Кефт. Вот тот народ молчит за едой, словно набрал в рот воды.

Фараон сделал вид, что впервые слышит об этом народе: кто он? откуда он? И можно ли вообще жить в Западной пустыне?

– Многие говорят о стране Та-Кефт, – сказала Нефертити. Она посмотрела на мужа пытливым взглядом. Задержала на нем взгляд. Что-то происходит с ним? Или что-то творится с нею? Где тот кудесник, который мог бы объяснить, в чем тут дело? Между ними не было открытой размолвки. Он по-прежнему был вежлив. Но воистину надо превратиться в обелиск, чтобы не понять, что что-то неладно в этом великом доме. А может быть, не в доме, а в Кеми, на обоих берегах Хапи, в Дельте и на Юге? Не здесь ли, как говорят хетты, спрятаны ослиные уши? Ведь бывает же так: ничего не сказали дурного друг другу, а в воздухе носится непонятное, с трудом осязаемое и обоняемое, от которого портится настроение, хмурятся брови и встает между двумя любящими сердцами ледяная стена, как в горах Ретену. Ее величество понимает, что надо поддержать этот порыв фараона, надо согреть воздух, витающий над столиками.

Семнех-ке-рэ доедал сладкое блюдо, когда его величество обратился к нему с вопросом:

– Что там за народ в стране Та-Кефт и что он делает?

Его высочество отставил тарелку, вытер губы льняной салфеткой. Юношески бледное лицо Семнех-ке-рэ порозовело. Глаза его блеснули черной молнией. «Вот этот будет фараоном, – подумал его величество, – есть в нем и фантазия, и умение слушать людей, а главное – есть и достаточная мощь под славной, привлекательной личиной». Семнех-ке-рэ, сказать по правде, не обладал большой физической силой. Стрела, запущенная им, могла и не угодить в цель. Но разве в этом величие фараона, ведущего тысячи и тысячи людей за собой? Говорят, во времена Нармера ценились в фараонах бычья сила и прожорливость крокодила. В те времена, говорят ученые жрецы, люди во дворце свободно поедали быка. Для этого достаточно было, чтобы его величество собрал трех-четыре вельмож. И пиво пили сверх всякой меры... Если правда, что в силаче и дух сильный, то ничего хорошего о Семнех-ке-рэ не скажешь. Однако всякий, кто знает его, поймет, какая гордая и какая сильная душа в этом молодом принце! Стало быть, старинная поговорка не совсем точная...

Его высочество Семнех-ке-рэ ответил, не говоря ничего лишнего сверх того, что требуется сказать. Сверх того, что необходимо для ясного уразумения мысли. Он ответил так:

– Есть страна на Западе, и есть народ на Западе. Он такой же, как все: на двух ногах, о двух руках. Такой же, как все: с волосами на голове и двумя сосками на груди. Я напому: в мире четыре расы. Ромету – красные. Это – мы. Аму – желтые. Они – в Азии. Тегенну – белые. Они – в Ливии. Нехсу – черные. В Та-Кефт живут тегенну и немного нехсу. Там города и деревни, там каналы и сады в пустыне, и женщины там красивы и статны, как в Дельте, и ловки, как те, живущие в оазисах. Мертвых там хоронят в скалах и маленьких каменных пирамидах. И мертвые в могилах не лежат, а сидят. И нет там обычая, чтобы мертвый забирал с собой на поля Иалу больше, чем может взять человек в охапку. Не взваливая себе ношу на спину или плечи.

– Слышите? – сказал его величество, глядя перед собой. Но неизвестно, кому это он сказал.

Эйе заметил в кратких словах, что все это правда. То есть правда то, что говорят о Та-Кефт.

– Кто говорит? – спросил фараон.

– Люди мудрые говорят.

– А они есть?

– Кто? – Эйе потянулся рукой к финикам и меду.

– Мудрые люди.

– Они находятся даже здесь, в этом помещении.

– В самом деле? – Фараон откинулся чуть-чуть назад, как бы выставляя напоказ свои крепкие, массивные челюсти. И засмеялся. Нет, он захохотал. Нет, он вдруг захлебнулся в смехе.

Глядя на него, начинал смеяться то один, то другой.

Он передавался – этот смех – от одного к другому.

Вот уже смеются все. Даже Нефертити. Даже застенчивый Семнех-ке-рэ. А о принцессах и говорить не приходится: девушкам палец покажи – уже хохочут...

Пенту наклонился к Маху и сказал вполголоса:

– Его величество – жизнь, здоровье, сила! – чувствует себя хорошо.

Маху ответил:

– После трапезы он будет ждать тебя.

В этом неожиданном веселье, которое напало на всех – а иначе никак не скажешь, – веселье, явно нездоровом, искусственно подогретом, непоколебимо мрачным оставался один: его высочество Эйе. Он неодобрительно посматривал на жену свою Ти – такую немножко сморщенную, но все еще живую, задорную женщину. Может быть, Эйе видел дальше, чем все. Или знал больше других. Кто это может сказать? Если бы здесь присутствовал живописец и ваятель Юти, он, несомненно, изобразил бы полтора десятка бездумно-веселых людей и сурово-задумчивого Эйе. Одного старого мудреца среди легкомысленных людей. Одного воина среди подвыпивших. Так бы изобразил Юти. И он, наверное, был бы прав...

Эйе сказал, сохраняя задумчивость:

– Что такое мудрый человек? Некий певец, разъезжавший по городам в древнее время – при царе Усеркаафе, выразился так: мудрый человек такой же, как все, разница лишь в том, что он больше думает и меньше других болтает.

– Это трудно, – сказал фараон.

– Что – трудно?

– Болтать.

– А я что говорю? – сказал Эйе. – То же самое!

Служители разнесли вино – черное, как чернила, которыми пишут в фараоновой канцелярии. Оно называлось «Несравненное Ахетатона».

Ее величество Нефертити смеялась, а на душе у нее – камень...

«...Эхнатон уже не тот. Что с ним? Говорят, все Кийа, эта жаркая, молодая красавица. Но разве может смутить бога красавица? Не в ней дело! Совсем не в ней. Если Эхнатон в чем-то не согласен со мной – можно объясниться. Если я не родила ему мальчика – я могу уйти. Но все требует объяснения. Нельзя так молчаливо...»

Эйе смотрел прямо перед собой – сквозь жену, которая сидела напротив него, – и думал о своем. Его жилистые руки лежали на столике. Голова его слегка наклонена набок – к левому плечу...

«...Сейчас видно все как на ладони. Даже иноземец, не знающий нашего языка, скажет: царь и царица – не в ладах. В великом доме – разлад. Великая любовь уступила место великому равнодушию. От равнодушия до ненависти – шаг. Это молодая Кийа делает свое дело. Она разрушает. Это видно даже слепому...»

Фараону не давали покоя эти самые молчаливые мудрецы, о которых говорил Эйе. На бритой голове старика пульсировали большие и крепкие жилы, и фараон подумал, что именно эти жилы являются признаком мудрости. Он любил и глубоко уважал Эйе независимо от того, сколько у него жил на голове и что говорил старик. Ни один совет Эйе не был легкомысленным или непродуманным. Говорил Эйе – точно слова ковал. Каждое слово – что небесный металл: весомое, четкое, попадающее в сердце, в самую серединку...

– Я читал в старых свитках, – сказал Эхнатон, – что некогда в Кеми обитали мудрецы. Они много болтали, но каждое слово их ценилось выше золота.

– Где же они? – спросил Эйе.

– Мудрецы, что ли?.. Они повывелись. Ибо в противном случае берега Хапи были бы усыпаны золотом.

– Я верю этому.

Эйе наконец рассмеялся.

Фараон поднял чарку, хотел было пригубить, но, что-то вспомнив или увидев что-то в чарке, поставил ее на место, встал и вышел в свою рабочую комнату, где он работал и слагал стихи.

Пенту последовал за ним.

Беспокойство

В небольшой – очень небольшой – комнате, расписанной живописцами, Эхнатон чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было. На стенах многократно изображен фараон в различные мгновения жизни: то на руках полуобнаженной, молодой Ти, то рядом с ее величеством Нефертити, то среди детей, то у тела несчастной Мактатон, безвременно переселившейся на поля Иалу (так было угодно великому Атону).

Один угол комнаты был завален чистыми свитками папируса. Фараон мог в любой час записать свои мысли без помощи писцов. Веранда выходила на просторы Хапи. Плавная, как лебяжья шея, излучина – словно на ладони. Оттуда веет прохладой, когда солнце еще на востоке. Позже – после полудня – его величество перейдет в другой кабинет, напоминающий этот, но выходящий балконом на север. Здесь тоже приятно слагать стихи и наигрывать на арфе замысловатые мелодии...

Пенту тихо приоткрыл дверь и резко затворил ее за собой. Его величество не шевельнулся. Он смотрел на стену. На голую стену, на которой только рисунки.

Пенту стал сзади, вперив острый глаз в затылок фараона. Кто скажет, глядя на него со спины, что в руках его вся вселенная? Кто бы подумал, что в нем – этом тщедушном человеке – найдутся силы, которые восстанут не только на врагов своих, но и на самого бога Амона? Все это останется тайной даже для такого многоопытного и мудрого человека, как Пенту. Если это тайна для Пенту, то для кого же не тайна?

– Оборотись ко мне, твое величество!

Эхнатон стоял не двигаясь. Он слышал голос Пенту, но звучал в его ушах голос и посильнее.

– Твое величество!..

Фараон медленно повернулся. Губы его точно бы припухли. Глаза безжизненны. Тонкое лицо, о котором говорили, что оно острое, как кинжал, стало еще острее. Серый цвет лица напугал жреца. Что стряслось с фараоном?

Пенту протянул руку и приложил к сердцу его величества. Затем пощупал печень его все той же рукой. Фараон, казалось, отсутствовал. Точно щупали не его, а тень фараонову.

– Болит?

Фараон молчал.

– Болит? – переспросил Пенту.

Его величество вздохнул глубоко, взял врача за руку:

– Пенту, мое сердце всегда с тобой. Оно совсем не болит. И печень не болит. Мое Ба корчится от невыносимых страданий. Словно бы горячим вертелом, как гуся, протыкают его, прежде чем изжарить.

Пенту слушал внимательно.

– Когда-нибудь я скажу тебе, Пенту, нечто. И ты тогда поймешь, отчего корчится мое Ба, отчего больно моей душе. А тело мое, – заверяю тебя, – хотя оно не столь внушительно, не думай о нем плохо. Сто лет, сто добрых лет послужит оно мне, если только выдержит Ба.

Жрец ничем не проявлял своих чувств. Он служил отцу его величества, служил тому, кто дарует жизнь всему сущему, – богу Атону. Посему жрецу надлежало быть выше всего земного и, разговаривая с любимым сыном Атона, сохранять достоинство священника.

– Пенту, – продолжал фараон, – я хочу сказать нечто. Я думаю об этом, и кровь стынет в моих жилах и вызывает тяжесть в затылке. От тяжести той мои суставы делаются иногда похожими на воду... И я чуть было не упал. Сегодня утром. Если бы не Маху, я бы упал. Распластался бы на полу.

Жрец нарушил молчание:

– Твое величество, я знаю все. И я скажу тебе: твое беспокойство оправданно. Ибо в руках у тебя – судьба Кеми. Поддай мне руку. Правую.

Фараон протянул ладонь. Она была и нежной и маленькой. Как женская рука.

«...Такая маленькая и такая сильная. Воистину сказано: бойся низкорослых... Рука сильная, но Кеми еще сильнее. Рука загребушая, но совладеет ли она с горячим конем, на котором скачет фараон?»

Пенту рассматривал линии на ладони.

– Ты здоров, – сказал он наконец фараону.

– И это всё?

– Что же еще?

– Я знаю: я здоров. Но хочу знать: здоровы ли мои царедворцы, мои военачальники, мои семеры? Ибо от их здоровья зависит и мое.

Эхнатон прошелся по комнате взад и вперед, чуть выставив округлый живот.

«...Он очень некрасив, он очень некрасив. Бедная Нефертити! Она достойна лучшего из львов!»

Фараон стал перед жрецом, дыша жарким и прерывистым дыханием. Его глаза сверкали, точно из воды. Губы – такие пухлые и по-детски нежные – вздрагивали, прежде чем произносили слова.

– Пенту, – сказал фараон, – мне кажется, что страна болеет. Не я, а страна! Чем больше думаю об этом, тем больше убеждаюсь. Однако больше всего меня смущает ее величество. – Он ждал, какое впечатление произведут на жреца его слова. – Царица, мне кажется, больше не понимает меня.

– Может быть, наоборот?

Фараон вздрогнул, точно его растолкали среди сна:

– Как ты сказал?

– Ты-то сам понимаешь царицу?

И в первый раз – ничего подобного никогда не видел Пенту! – фараон скорчился, как от боли, при упоминании царицы. «Неужели? – подумал жрец. – Неужели это так?»

Фараон, разделяя слоги, выговорил эти слова:

– Не желаю ее знать!

Его величество затрясся от злобы.

– Успокойся, – сказал Пенту.

– Не могу! Я чувствую, как жена моя и дети мои отдаляются от меня. Народ отдаляется от меня. Кеми уходит от меня...

– Это тебе только кажется...

– Кажется? – Фараон стал самим собою – царственным, волевым монархом. – Я вижу слишком далеко. И в этом, может быть, мое несчастье. Ты думаешь, я не знаю, что вокруг зреет недовольство? Да, да, недовольство!

– Оно всегда и повсюду зреет, – сказал мудрый Пенту. – С тех пор как существует человек и существует Кеми, всюду и во всякое время зреет недовольство. Сосчитай, сколько людей в твоём царстве. Превратись на миг в сокола и взгляни на землю свою: сколь она велика и как много на ней людей. А теперь превратись в мышь домовую и подслушай, что говорят миллионы...

– Ничего хорошего, Пенту.

Жрец возразил:

– Одни ругаются. Другие милуются. Третьи довольны. Четвертые...

Фараон не дал ему договорить:

– Это неважно, что думают и чем занимаются четвертые. Зачем все это, если у меня под боком творится нечто, от чего человек может вовсе лишиться разума?

- Это неправда.
- Что – неправда?
- Ничего особенного не творится.

– Если жена не понимает тебя? Если зять – Семнех-ке-рэ – мыслит по-своему? Если другой зять тоже шагает не в ту сторону, а дочери твои не поддерживают тебя – разве это «ничего особенного»?

Жрец дал понять, что все это именно и есть «ничего особенного». Фараон невольно рассмеялся. Как мальчик. Захлопал в ладоши. Ему стало так весело, будто напился вина.

– Очень хорошо! Очень хорошо! – воскликнул он. – Мои близкие и друзья превращают на моих глазах серое в белое, белое в черное. Очень хорошо! Значит, нечего опасаться? Значит, я могу сказать, что в государстве все идет отменно?.. Нет, нет! Не отвечай мне сразу. Подумай прежде. Подумай прежде. Подумай и скажи мне: все ли в государстве идет отменно?

Жрец по-прежнему старался не выдавать ни своих мыслей, ни чувств:

– Твое величество, с тех пор как существует вселенная, не было еще государя, который мог бы сказать: все хорошо в моей стране.

- Дальше.
- Если даже находился такой царь, то он вскоре раскаивался в своих словах.
- Почему?
- Потому, что убеждался в том, в чем убеждался.

– Я не понимаю твоего книжного языка. Говори яснее, Пенту. Говори, как говорят на рынке.

Жрец нахмурил брови:

- Я же не на рынке. Я не торговец зеленью...
- Вот это я знаю!.. Дальше.
- Нельзя сетовать на то, что в государстве что-то не ладится. На то оно и государство.
- Ты это говоришь как врач или как мой советник?
- Как врач.
- Что ж, по-твоему, я болен?
- Да.
- И тяжело?
- Да.
- Ты уверен?
- Да.
- Ну, так лечи.

Фараон плюхнулся на циновку, вытянул ноги, сложил на груди руки, закрыл глаза. И приказал:

- Лечи!

Жрец не трогался с места.

- Лечи, говорю!

Пенту присел на низенькую скамью, которая на трех ножках. Помолчал. Потер лоб... Нет, в самом деле, он убежден, что говорит правду. Разве плохи дела Кеми? Наступление хеттов на пограничные деревни? Но они могут и отступить! Восстание в Ретену? Оно окончилось. Тревожное положение на границах с Эфиопией? Там всегда было беспокойно...

– Твое величество, – проговорил Пенту, не глядя на фараона, – никто из нас не сотворен из камня. Тебе нужен отдых. Поезжай, твое величество, в Южный дворец. Проведи день, другой. Пробудь ночь на воде. При огнях. Слушай музыку. Это необходимо для здоровья.

- А дальше?
- Что дальше?
- Кто делами займется?

– Ты.

– А кто же предаваться будет веселью?

– Тоже ты.

Фараон присел. Уткнулся подбородком в колени. Так, как это делал в детстве. Пенту хорошо помнил совсем еще юного фараона. Юного принца.

– Послушай, Пенту, отвечай прямо и не пытайся морочить мне голову.

Пенту скорчил гримасу: он не одобрял увлечения фараона языком рынков и мастеровых людей.

– Понимаешь? Не морочь голову!.. Если к тебе приходят и говорят: бежал из каменоломни твой враг, заточенный тобою, – что ты скажешь?

– Стану искать его.

– Если его не находят?

– Наберусь терпения.

– А потом?

– Выдам сто хлыстов нерадивому хаке-хесепу.

– Сто?

– Может, пятьдесят. Для первого раза.

– Это мысль!

Фараон ударил палочкой из слоновой кости в бронзовую пластинку. И сказал вошедшему негру:

– Позови ко мне его светлость Маху.

Чернокожий выслушал приказание, не глядя на благого бога. И попятился назад, к двери.

– Скажи, чтобы шел поскорее!

Чернокожий приоткрыл дверь.

– Чтобы мчался сюда!

Чернокожий вышел в коридор.

– Пусть растрясет свой живот!

Чернокожий не посмел закрыть за собою дверь.

– Пускай спешит сюда этот грязный гиппопотам!

Фараон был словно горный поток: миг! – и сокрушит все на пути.

– Пенту, – крикнул он, потрясая кулаками, – ты всегда подаешь мне хорошие советы! Этих подлецов надо держать в черном теле. И тогда меня будут больше любить и уважать. Этот секрет я вычитал в одном старинном свитке времен Аменемхета Первого. Там очень хорошо говорилось о том, как следует вести себя власть предержащим.

– Жестоко?

– Именно жестоко, Пенту! Не жалея никого и ничего. Мне говорили, что впервые испытал этот способ фараон Нармер. Ведь он, Пенту, в один час из смертного князя превратился в живого бога, наподобие меня. В один час, Пенту! Я бьюсь – вот уже четырнадцать лет – со своими недругами и достиг не очень многого.

– Я этого не сказал бы, твое величество.

Вошел Маху. Вернее, вкатился. И кто-то невидимый прикрыл за ним дверь.

– Я у твоих стоп, твое величество!

Произнося эти слова, Маху смотрел на жреца. Но тот стоял к нему спиной.

– Маху, – сказал фараон, – Пунах проявил нерадивость. Он упустил этого Усеркаафа. И тот бежал в Эфиопию. За ним послана погоня. Но беглец пока не пойман. Я приказываю: полсотни палочных ударов Пунаху. Немедленно! А остальные – потом. И передать ему: пусть ищет его на земле и под землей, в горах и на воде! Передай еще: не дай бог, не дай бог не поймать его и не водворить на место! Понял меня, Маху?

– Понял.

- Пятьдесят увесистых ударов.
- Так точно.
- И доложить мне тотчас же!
- Твое величество, Пунах получит свое сполна.
- Фараон кивнул; Маху удалился.
- Ты доволен, Пенту?
- Так же, как ты, твое величество.
- Я расстроен. Я совсем не доволен.

Откуда-то из складок своего одеяния жрец достал флакон, вылил из него немного бурой жидкости в чарку и поднес ее фараону.

– Этот настой, – сказал он, – дает успокоение, в котором ты больше всего нуждаешься. В далеком Та-Нетере растет это дерево, похожее на чудовище.

Фараон выпил до дна:

- Какая гадость!
- В этой жидкости – великая сила.
- В этой вонючей воде?

Жрец молча поставил чарку на столик.

– Я открою тебе тайну, Пенту, – начал фараон доверительно. – Ближе ко мне, Пенту. Поближе!.. Мои военачальники жаждут войны. Одни из них зовут меня на Север, другие – на Юг. Третьи советуют идти через пустыню, чтобы завоевать неведомое государство Та-Кефт. Если я двинусь на Север, помчусь на Юг, переползу через пустыню – меня станут уважать враги. Жрецы Амона протянут мне руки. Знать, которую я долбал нещадно, тоже протянет мне руку примирения. А я говорю, напоминая им шумерскую пословицу: «Ты пошел отнимать землю у врага? Враг пришел, чтобы отнять твою землю». Понимаешь, Пенту?

Жрец кивнул.

– Шумеры – не дураки. Это сейчас они присмирели, как бы забились в угол. А ведь шумеры других учили уму-разуму. У них такое смешное письмо, как будто бы куры царапали клювом. И я положила руку на сердце не могу сказать, у кого род более древний: у нас или у них?

Фараон поднялся на ноги – по-юношески легко, – кинулся в угол, где лежали чистые свитки папируса... Вдруг застыл. Медленно повернулся всем корпусом к жрецу. И прошептал:

- А хочешь, я им дам войну?
- Кому, ваше величество?

Благой бог не ответил кому. До поры это была только его тайна.

Главный военачальник

Очень возможно, что его величество объяснил бы Пенту, кому же он объявит войну. Кому это – «им»? Особых тайн от жреца у него не было. Даже, может быть, слишком часто открывал благой бог свое сердце для ушей жреца и врача? В Уасете говорят: «Какой же это монарх, у которого за душою нету тайн?» Впрочем, народ в Уасете – прежней столице Кеми – слишком изощрен. Точнее сказать, слишком испорчен столичной жизнью, превосходством их города над всеми прочими городами Кеми. В Мен-Нофере – самой древней столице Кеми – говорят несколько иначе: «У фараона тайн должно быть не больше, чем у обыкновенного воина в Ливийской пустыне, когда он там воюет». Это две крайние точки зрения. Правда, по-видимому, где-то посередине. Мясники Ахетатона выражают свой взгляд на тайну следующим образом: «Без тайны и злого умысла – только вол, висящий на крючке в мясной лавке». Кто же все-таки прав?..

Очень возможно, что его величество объяснил бы кое-что жрецу Пенту, если бы в эту минуту не явился главный военачальник Хоремхеб. Он протопал в тяжелых башмаках прямо к фараону, поклонился ему. Это был человек грубый, как носильщик тяжестей. Высокий и дородный, словно негритянский царек. На левой щеке его красовался розовый рубец – прекрасный знак, полученный в битве с хеттами. Хоремхеб очень гордился шрамом, ибо жизни не лишился. А мог бы. И очень даже просто. Ото лба до подбородка столько же, сколько от уха до уха: почти квадратное, почти солнечно-округлое лицо, почти тыква, на которую смотришь сверху...

– Его величество только что пришел в себя, – сказал Пенту, указывая рукою на кувшин.

– Очень жаль, Пенту.

– Почему же?

– Потому, что вести у меня мрачные. И разговор – мрачный.

– Это в порядке вещей, Хоремхеб. Я несую благую весть, твое дело омрачать людей и вселять в их сердца холод и страх.

– Ты прав, Пенту. Профессии у нас разные. Мы созданы для разных дел. И я не сетую.

– Увы! – отвечал жрец. – Меня это различие как раз и тревожит.

Хоремхеб махнул рукой, – дескать, пустое все это. Он поставил рядом две трехножные скамьи. И сказал так, как будто говорил солдатам:

– Садитесь: твое величество – сюда, Пенту – сюда!

Благой бог, поглощенный собственными мыслями, уселся на скамью без звука. Пенту ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Фараон уставился взглядом на некую рыбешку на полу, которую собирался проглотить другой – более сильный – подводный житель. Живописец изобразил маленькую рыбу весьма симпатичной и не подозревающей о страшной угрозе. А хищник оскалил зубы. Раскрыл пасть и уже предвкушает удовольствие. Какая прекрасная иллюстрация к разговору, который, несомненно, затекает Хоремхеб! Ему чудится Кеми в образе этого подводного хищника. Спит и видит во сне Кеми. Кеми, пожирающего соседние земли. Соседние государства. Соседние народы...

– Как всегда, – начал Хоремхеб почему-то торжественно, – я – с дурными вестями. Хетты нагледят с каждым днем. По моим сведениям, они вторглись в пределы городка Ном-от. Твоему величеству, вероятно, памятно это название. Год тому назад оттуда присланы были золотые рукомытники для трех дворцов Ахетатона.

– Да, помню, – глухо проговорил благой бог.

– Ном-от имеет большое значение для северных провинций Джахи, – Хоремхеб развернул пожелтевший папирус. – Вот здесь, твое величество, изображен городок Ном-от. Населе-

ние его сплошь туземное, и князя его зовут Хеметтат. Он предан тебе и нынче оплакивает падение своего владения. Чуть правее, подальше от моря, в шести сехенах¹⁸ от Ном-от, находилась наша крепость, построенная его величеством покойным фараоном. Эта крепость тоже взята хеттами. Народ Митанни¹⁹, подстрекаемый князьями Ретену, обрушился на наши гарнизоны вот здесь. – Толстый палец Хоремхеба медленно описывал полукруг от города Ном-от к востоку и северо-востоку. – Моряки-разбойники, выйдя в море с острова Иси, мешали нашим кораблям. На берегу, на самой границе с хеттами, стоял наш военный пост Нефер-Туа. Он захвачен врагами еще в прошлом году, в месяц мехир. За полгода хетты продвинулись вот сюда, к городу Ан-Таир. Твое величество легко вычислит, сколько сехенов прошли хетты за полгода от Нефер-Туа до Ан-Таир: ровно двадцать!

Пенту искоса поглядывал на папирус, но более всего поражали его эти грубые руки Хоремхеба. Из них словно жир вытекал, точно они поджаривались на огне. Этот грубый военачальник был противен жрецу. По-видимому, не только ему. Разве фараон искренне относится к Хоремхебу? Только-только терпит. Однажды была сделана попытка заменить его на посту военачальника. Но не тут-то было! Пришлось отказаться от этого намерения. Многие высшие сановники высказались против замены – и Хоремхеб остался. Это очень плохо, когда военный решит, что прочно сидит в седле. Жди от такого всякой пакости – явной и тайной.

– Мятежные князья Ретену... – продолжал Хоремхеб, указывая на красное пятно, – князья Ретену перешли вот здесь горную гряду и приблизились к городу Кодшу настолько, что наш гарнизон был вынужден отойти к морю. – Военачальник повел мизинцем от красного пятна к краю папируса.

Пенту смотрел сверху вниз. Он даже не наклонился, чтобы получше разглядеть чертеж. Жрец, как обычно в таких случаях, прибег к помощи горного хрусталя.

Фараон уперся взглядом в потолок. Там летали птицы. Там было синее небо, невообразимая высь. Сокол нехэбт летел в синеве. Он парил на крепких крыльях, и его величество завидовал ему. Откровенно завидуя свободному полету, он в то же время задавал себе вопрос: «Почему рыбе хорошо в воде, а соколу в небе?» В чем же сущность плавающего, шагающего по земле и летающего в воздухе?..

Пенту приметил рассеянный взгляд фараона. Жрец тоже залюбовался соколом нехэбт. В самом деле, под потолком – точнее, небесным куполом – парила птица. Она казалась не то чтобы живою, а совершенно натуральной – с перьями, лоснящимися от подкожного жира, и клювом серого цвета, и глазами, похожими на янтарь...

Хоремхеб ушел, как говорится, с головой в свой папирус. Он продолжал развивать мысль о том, что наступление врагов Кеми будет продолжаться и впредь. Оно будет продолжаться до тех пор, пока его величество бездействует. Да, бездействует!..

Военачальнику хотелось убедиться в том, какое впечатление произведут слова эти на фараона. К его удивлению и огорчению, его величество и вельможа его любовались изображением птицы на потолке. Не говоря ни слова и не выдавая своего возмущения, Хоремхеб тоже запрокинул голову и стал разглядывать птицу нехэбт. Так и рассматривали птицу три первых человека Кеми, меж которых был сам благой бог...

– Мне кажется, – проговорил фараон, – что этот сокол немного косит глазами. Или он смотрит не туда, куда следовало бы. Нехэбт высматривает свою жертву. Наподобие нашего Хоремхеба. В данном случае одной из жертв являемся мы – кто-то один из нас. Я хочу сказать – жертвой, если иметь в виду направление хищного взгляда этой птицы. Но левый глаз глядит не туда! Если согласиться, что левый пытается определить расстояние до меня, то правым приметил Хоремхеба.

¹⁸ Сехен – мера длины (11 км).

¹⁹ Митанни – государство на севере Месопотамии.

Пенту сказал, что оба глаза направлены на Хoremхеба и ни о какой косине речи быть не может. Живописец знал свое ремесло!

Он говорил слишком резко. Хoremхеб попытался отнести эту резкость на счет фараона. Однако тот сейчас же реагировал:

– Дорогой Хoremхеб, это о тебе говорит, о тебе говорит уважаемый Пенту! Ты и в самом деле мало смыслишь в живописи. И в этом нет ничего обидного. Так я думаю...

– Разумеется, разумеется, твое величество! «Послушай, лысая обезьяна, – обратился Хoremхеб про себя к жрецу, – когда ты перестанешь засорять наши уши своими глупыми словами?»

– В этом нет ничего обидного, – издевательски настаивал фараон, по-прежнему запрокинув голову и выставив на всеобщее обозрение далеко не привлекательный подбородок.

«Да, подбородок лошадиный, – продолжал размышлять про себя Хoremхеб. – Ничего не хочу, два дня власти – только и всего! Я бы показал им, где живут крысы в пустыне!»

Хoremхеб сказал:

– Уважаемому Пенту следовало бы не столько тыкаться носом в потолок, сколько оглянуться вокруг и подумать о том, что творится на границах империи.

Фараон оживился.

– Как ты сказал? – спросил он Хoremхеба.

– Так, как сказал! – буркнул военачальник.

– Нет, ты выразился сочно, а я, как тебе известно, люблю сочные выражения. «Тыкаться носом в потолок»... Клянусь Атоном, сказано неплохо! Даю слово, что использую твое выражение в своих стихах. И объявляю, что лучший образ принадлежит тебе.

– Я не честолюбив...

– Вот этому не верю.

– Почему?

Вмешался Пенту:

– Потому что неправда!

– Что неправда?

Пенту приложил к глазу магический камень и тихо сказал, очень тихо, отчего каждое его слово звучало еще сильнее:

– Потому, что в сердце твоём живет честолюбие, как крокодил в воде, как бегемот в болотах, как змея в пустыне. Ты готов ввергнуть страну в военное бедствие, лишь бы удовлетворить собственное честолюбие. Оно у тебя алчное, Хoremхеб! Оно готово проглотить весь мир. Такое оно алчное!

У Хoremхеба кровью налились глаза. Лицо налилось кровью, подобно льняной ткани, на которую вылили красное вино. Но он не был бы Хoremхебом и не был бы первым военачальником, если бы не умел брать себя в руки. Он остыл – медленно, очень медленно, как галька прибрежная после знойного дня. Сначала он улыбнулся – скривил лицо, прищурил один глаз, потом – другой. Сорокапятiletний вояка, казалось, боролся с самим собой. Не часто ему приходилось бороться с самим собой! Затем мускулы на его лице сгладились, – сгладились все, кроме шрама, оставленного азиатским кинжалом.

– Удивительно это, очень удивительно, – сказал он обиженно, – удивительно, твое величество! Вот я прихожу к тебе, и благодать твоя вокруг меня. Вот пришел я к тебе, чтобы почерпнуть силы в словах твоих. Вот я пришел к тебе, чтобы нарисовать твоему величеству действительную картину, которая на границах империи. Что же я услышал? Колкости со стороны Пенту? Насмешки из уст твоих? Нет, я не за этим явился к тебе. Уши мои словно у зайца: они ловят каждый твой вздох, точно шорох в кустах.

Фараон прикинулся, что поражен. Его величество обратился к Пенту:

– Ты слышишь, Пенту? Не думаешь ли ты, что уважаемый Хoremхeб прав? Суди сам: он с жаром говорит о бедах на северных границах, а мы глазеем по сторонам, подобно нерадивым ученикам в школе. Он пытается повернуть наши головы в правильную сторону, а мы с тобою, подобно упрямым ослам, сопротивляемся. Нет, Пенту, прав Хoremхeб! И тебе тоже придется признать это.

– Признать? – огрызнулся Пенту. – Что признать?

Он сказал это так, словно был наедине с фараоном, словно здесь не присутствовал Хoremхeб.

– Признать, – повторил фараон, – что он прав, а мы с тобою не правы.

Его величество улыбался. Его тонкое лицо словно было вырезано из папируса. На этом лице несуразно блестели большие глаза, точно принадлежащие кому-то другому. И мясистый нос торчал несуразно.

– Я готов признать это, – сказал Пенту, – если угодно твоему величеству.

– Мне сейчас ничего не угодно.

«...Врут они, врут оба! Фараон прекрасно знает, чего хочет, и прикидывается наивным, когда это выгодно ему. А этот Пенту, лысая обезьяна, – известный поддакиватель, кивающий головою, когда надо и когда это не требуется вовсе».

Фараон нахмурился. Выпятил нижнюю губу, подумал, подумал и обратиться изволил к слугам своим с высоты своего царского величия:

– Хoremхeбу собрать военный совет. Ему же доложить на военном совете то, что он считает нужным доложить. Это очень важно. Чрезвычайно важно.

Хoremхeб склонил голову. Пенту был внимателен, очень внимателен.

– Совет скажет свое слово. Возглавит совет distinguished слуга Атона, наш слуга Пенту. Он сообщит мне решение совета. И я поговорю с богом. Атон подскажет мне верное решение. Он не оставит сына своего без внимания. Не оставит Кеми...

Так сказал его величество. Хoremхeб почти был уверен, что царь неискренен. Но не совсем был уверен. Пенту, напротив, был убежден, что фараон говорит серьезно. Но полностью Пенту за это не поручился бы.

Аудиенция была окончена.

Для Хoremхeба.

И для Пенту.

Эхнатон умел показать это. Показать, что разговор окончен.

Ее величество

Оставшись один, фараон вдруг ощутил пустоту. Душевную, щемящую, неукротимую. Ему показалось, что он проваливается в эту пустоту. Летит камнем. То головою, то ногами вперед. Он бросился на циновку, закрыл лицо ладонями, чтобы стало темно в глазах. Как можно темнее. Эта проклятая, распирающая боль в затылке. Словно бы кто-то долбит камнем камень. Там, в глубине мозгов. Даже глубже. Где-то возле гортани. Точно запускают грубую, шершавую руку на самое дно желудка... И эта тошнота. И это головокружение!..

Он пролежал без движения с полчаса. И вот колесо, кем-то бешено заверченное, начало понемногу терять скорость. А на этом колесе лежит фараон... Все медленнее обороты... И легче, легче на душе. И в голове. И в желудке. Еще мгновение... Еще другое... Вот хорошо! Вот совсем хорошо!..

Он открывает глаза. Осторожно. Очень осторожно. Вот он разнимает ладони, которые на лице его. Тоже осторожно. Теперь вся комната – перед ним. Росписи как живые. И рыбы внизу. И птицы – под потолком. Нет, все как будто на месте. Ничто не рухнуло. Дворец стоит непоколебимо. Мир держится твердо. Да, благополучно миновало нечто страшное, которое Пенту именует недугом затылка и спины, недугом печени и головы...

Верно, все прошло. Однако остался странный привкус во рту. Точно поел незрелых плодов сикоморы. Зеленых фиников. Тухлой рыбы. Невозможно передать этот привкус во рту. Это вкус смерти. Так говорит Пенту. Человек, испытавший его, все равно что побывал на полях Иалу. Забежал туда на мгновение и снова вернулся в этот мир.

Его величество неподвижен. Только большие глаза смотрят вверх и по сторонам. И вдруг – вдохновение. Какой-то голос шепчет ему слова нового гимна отцу его – великому, всемогущему Атону. Это так явственно, так четко, что трудно спутать слова. Каждый стих отграничен от другого как бы глубоким вздохом. Вставай и бери в руки письменный прибор. Вставай и записывай слова, продиктованные свыше. С небес, которые разверзлись. Для того чтобы его светозарное величество Атон нашептал своему сыну новые стихи...

Эхнатон замер. Чтобы не пропустить ни единого звука. Вот он, его голос – голос свыше:

О величье вселенной, которая
Рождает в сердце твоём любовь!
О сердце львиное твоё, которое
Способно вместить любовь!
Если б не вы, если б не вы,
Кто бы хранил это заветное чувство,
Идущее от звезд к человеку?

Фараон чутко ловит каждое слово. Разве не для него это каждое слово? И кем говоренное? Его светозарным отцом. Нет, нельзя упустить не то чтобы слово, а и каждый слог, каждое придыхание...

Замер, замер его величество на простом и жестком ложе. Именно на этом ложе к нему является великий Атон, чтобы через сына своего донести до вселенной чудо новых стихов и гимнов. Благодаря этому голосу все Кеми – от Порогов до Дельты – услышало голос Атона, и уверовало в него, и отвратилось от старых богов и самого Амона...

Его величество медленно перекачивается на живот, протягивает руки к чернилам и папирусу, нежному как шелк. И он пишет, он пишет под диктовку отца, который на синем небе. Пишет для Кеми, которое от Порогов до Дельты...

О великий отец, низвергнувший в пропасть
Ненависть и подлость,
Не ты ли рукой бесстрашной
Поднял знамя любви?
Не ты ли позвал народы
Идти за тобою в путь далекий —
Народ Джахи и народ Та-Нетер,
Народ Вавилона и Митанни,
Арамейцев, шумеров, израильтян
И славный народ обширного Кеми?
О отец наш – Диск Золотой и Живой, —
Дай силы детям твоим,
Вложи в десницу их меч,
Попирающий зло, зло, зло
И дарующий людям вселенной Любовь!

Он писал, и вскоре гимн был окончен. Его не надо было ни исправлять, ни переписывать. Ибо продиктован свыше. Его величество уронил голову на руки. На лбу его – испарина. Сквозь плотно сжатые зубы вырывался не то стон, не то смех ликующего. Ибо его величество управлял Кеми не только рукой гранитоподобной, но и чудесной силой стихотворца. Венценосный поэт не надеялся на свои руки, в которых палочка для письма. Поэтому руками, сердцем и разумом фараона руководит его светозарное величество Атон. Теперь это знают все! Ни для кого не секрет. Поэтому имя сына Атона прославлено во всех землях вселенной.

Любуясь свитком, исписанным каллиграфическим почерком, его величество поднялся на ноги. Душа его была легка. Голова светла, как луна, восходящая над пустыней, – такая большая, такая яркая! И ноги гибки, как молодая пальма...

Эхнатон направился к двери. Он шел молодой, пружинящий, и не осталось следа от усталости. Царь чувствовал себя немножко виноватым перед женой. Ведь за трапезой он вел себя не совсем обычно. Это заметили все. И не могли не заметить, ибо фараон что бревно у каждого в глазу. Вот он поворотился в эту сторону – и все думают: почему он смотрит в эту сторону? Вот он склонил голову, слушая жреца. И все спрашивают – почему он склонил набок голову? Вот усмехнулся – и все спрашивают друг друга – что значит этот смех и каков он, этот смех? Так спрашивают друг друга семеры и вельможи. С таким вопросом обращаются друг к другу писцы и управляющие большими делами. И это в порядке вещей. Ибо кто голова всему? Кто есть начало всем началам в Кеми и далеко за пределами его? Кто как светоч в государстве? Кто сцементировал народ, словно камни на пирамидах? Его величество – жизнь, здоровье, сила!

И он открыл дверь и прошел мимо стражи. И был легок он, словно лань. Вперед, вперед несут его ноги. Вперед и вперед... Вот покои ее, и пальмы на стенах их, и все растения Та-Нетер и еще более отдаленных земель. Его величество постучал в дверь, дабы не застать врасплох жену свою и детей ее. Стражи преклонили колена, страшась поднять глаза на повелителя вселенной.

Нефертити сидела перед маленьким бронзовым зеркалом, и две дочери причесывали ей волосы. Младшая, Сетепенра, скорее, мешала принцессе Нефернеферуре, нежели помогала. Эта действительно причесывала мать. Впрочем, принцесса тоже забавлялась, как и Сетепенра. Но, забавляясь, она, как могла, ублажала ее величество.

Чувствительный царь застыл в дверях. Он обожал эти незатейливые сцены, в которых простые человеческие чувства сильных мира сего проявлялись во всей своей полноте. И он любил эти милые существа, составлявшие его семью. Ее величество встретила с ним взгля-

дом. И она смутилась. И дочери ее вдруг застыли с бронзовыми гребенками в руках, словно сотворили нечто недозволенное. Он сказал:

– Я пришел к вам, чтобы посмотреть на вас и передать вам немного своей силы и бодрости. Болезнь моя прошла, как буря в пустыне. Она подняла к небу много песка и пыли. И вот улеглась она, и я здоров: снова блистает солнце над землей и душа моя покойна.

Она поверила ему, ибо силу и бодрость источали глаза его.

«...Вот он явился с повинной, как преступник. Ибо тот, кто забыл на мгновение закон любви, есть преступник. Вот он явился, и улыбка на его лице как солнце над Кеми. Ибо он солнце Кеми и пребудет им...»

Ее величество указала на место рядом с собой. На край циновки в два локтя, под которым мягкий вавилонский ковер, расцвеченный, как радуга над Дельтой.

Он с благодарностью принял это приглашение. «Я бы умер давно, – подумал он, – если бы не моя Нафтита. Она умна, как змей с острова Иси, и красива, как истая дочь Кеми. И чрево ее всегда щедро. И дети ее – плоды ее чрева».

Он присел рядом с нею и разом обхватил обеих принцесс. Они взвизгнули, как и подобает женщинам. Они захохотали – совершенно бездумно, беспричинно, – как и подобает женщинам, у которых мать – настоящая женщина из женщин. Его величество поцеловал Сетепенру прямо в нос, напоминавший шип на розовом кусте. И прижал к своему сердцу принцессу Нефернеферу. Она тихо сказала:

– Пусти, я причесываю мать.

И он выпустил ее из объятия.

Его величество положил голову на оголенное плечо жены. И она сказала:

– Какой ты горячий.

Он ответил:

– Это болезнь выходит через поры.

– Ты же здоров.

– Да, как лев!

Он любил прихвастнуть своей силой. Делал это, как мальчик, без всякого умысла, без расчета. Она любила в нем эту черту, потому что он умел любить без расчета: за красоту, за сердце, за доброту глаз и жар гранатовых губ умел он любить...

– Мы скучали без тебя, – призналась она.

– Да, – подтвердила принцесса Нефернеферу.

Ее высочеству Сетепенре все это было безразлично. В шесть лет слова для нее не имели особого смысла.

А Нефертити не верилось. Может быть, и в самом деле переменялся он в чем-то? Она пыталась по мельчайшим признакам определить: произошли ли в нем какие-нибудь перемены? Если глядишь на озерную гладь, то можно ли угадать, что творится на дне его или у самого дна? Только в одном случае – если умеешь угадывать сердцем. А глаза и уши в этом случае – плохие помощники. Им нельзя доверяться целиком. А Наф-Хуру-Ра – такое глубокое озеро, что и представить себе невозможно. В стране израильтян, говорят, есть озеро, в котором, говорят, ничто и никто не утонет. Все плавает на его поверхности. А на дне, говорят, – ничего. Все мертво на дне его. А если озеро живое? Вот и угадай, что в его толще. Когда каждая капля живет своей жизнью, часто обособленной. А эта его болезнь, которая проявляется все сильнее? Эти припадки? Эти боли в затылке. (В затылке, который так много удовольствия доставляет живописцам, ибо нет ничего легче, чем нарисовать тыкву, насаженную на тонкую и высокую шею.) Его враги так и говорят: Тыквоголовый! Вся эта сопревшая от ветхости знать, эти жрецы Амона, вся эта камарилья из Уасета... Как он досадил им! Как прижал их к ногтю, словно азиатскую вошь!..

...Но что же с ним в последнее время! О чем он думает? Почему все чаще молчит, когда они наедине – она и он? Может быть, настает конец его странному поведению? Может, эта конечная грань подошла именно нынче? И эти мгновения... Вот он по-прежнему мил, по-прежнему ласков, и в глазах его – все лучи света...

– Нафтита, – говорит он голосом дикого голубя, который так приятен для ее слуха, – я много думал о тебе.

– А я о тебе. Я думаю всегда. А ты?

Он замялся. Потрепал за волосы Сетепенру. Девочка мотнула головой.

– Я – нет, – признал он честно. – Наверное, я хуже тебя. Наверное, потому, что слишком много тяжести на плечах моих.

– А у меня?

Он подумал:

– У тебя – тоже.

Она сказала:

– Ты – сын лучезарного Атона. И сила его – в твоих жилах и в твоей печени.

– Это верно, Нафтита.

– Твоя рука в его руке. И он ведет тебя уверенно.

– И это так! Однако ряды друзей моих тают. Одни живут привольно, счастливой жизнью на полях Иалу, другие – понемногу отчуждаются. Вскоре я останусь совсем один.

Она не стала утешать его: ложь была противна ей. Близкому человеку ее величество предпочитала говорить суровую правду. Останется один? Вполне возможно. Но ведь все в руках его отца – лучезарного Атона. Он не захочет, он никогда не захочет, чтобы Ахнайти остался один! Этого не произойдет и в том случае, если даже его величество очень постарается. Что такое человек без поддержки? А фараон нуждается в поддержке друзей, единомышленников, близких... Пусть он окинет взглядом долгую историю Кемии, уходящую в седую древность. Разве Нармер был один? А Хуфу? А Джосер? А Сехемхет? Аменемхеты? Сенусерт Первый? Любой из процветавших фараонов опирался на крепкую когорту друзей. И это при том, что не было у них такого отца – великого Атона, с которым легче править на троне.

– Но, – заключила она. – Но все зависит от тебя самого. Ты не должен сворачивать с пути, избранного богом, нашим богом. Дорога Атона пряма, как меч. У нее нет ни боковых троп, ни тропочек. Сойти с дороги – значит погубить свое дело. Значит, потерять друзей. Я говорю тебе: не переступай границ дороги его, и благо тебе будет!

Последние слова ее величество выговорила с особым ударением. Вдруг вместо очаровательной женщины перед фараоном предстала вешунья, а точнее – умудренный опытом человек, постаревший в тягостных раздумьях. Он никогда не видел морщин на ее лице. Может, попросту не замечал их. А сейчас она показалась постаревшей, изможденной матерью его дочерей.

Он отполз от нее на несколько локтей, чтобы получше видеть ее. Против света она кажется и старше и смуглее. Он был удивлен. Огорошен. Ее тоном. Ее пронизательностью. Может, ее устами говорит сам Атон? А может, ей хочется, чтобы другие думали, что она близка к Атону? Позвольте, не его ли, фараонова, сила передается ей? Почему так уверенно и так горячо говорит она?

Он опустил голову. Она была гладко выбрита. Смугла и блестяща, как дыня. Тыквоголовый? Пусть поищут враги еще другого такого Тыквоголового!

Нефертити наспех завершила туалет, позвала служанку и передала детей на ее попечение. Они остались одни. Она улыбалась. Снова стала той, которой нет равной: прекрасной женщиной, воистину Нефертити!

Он полон самых нежных чувств. Он понимает: и сердится и горячится она только из любви к нему, из преклонения перед силой Атона – бога верховного и всемогущего. Вот уж

месяц – нет, больше! – как он изводит ее. То своим молчанием, то полным презрением. Какой ужасный месяц! Враги обрадовались их отчужденности. Друзья огорчились. Двор пребывал в тревоге. Мудрый Эйе ходил настороженный, как под стрелами азиатов. Только один Хоремхеб не скрывал своей радости. Как сытый гиппопотам меж камышей. Как человек, вылакавший кувшин пива.

Когда же случалось такое? За пятнадцать лет их супружества ничего похожего не бывало! Может, что-то сломилось в их колеснице, как говорят в Уасете? Спицу еще можно починить. А вот с осью дело похуже...

Нефертити вышла в соседнюю комнату и вернулась оттуда с кувшином прохладного вина. Из большого, инкрустированного перламутром ларца она достала конфеты. Они были приготовлены из муки земляного ореха, фиников и меда. Маленькие деревянные тарелки из черного дерева она поставила перед мужем и перед собой. Рядом с конфетами Нефертити положила его любимое пирожное. Оно было сделано на медовом сахаре из крупного ореха и сбитых яичных белков.

У него засветились глаза. Как у ребенка.

– Что я вижу, Нафтита?

Она рассчитывала на этот эффект. Нет, это была не только жена и мать, но и прекрасная любовница. По-прежнему – любовница. В свои тридцать с хвостиком лет она была привлекательна, как утренняя звезда.

Он сказал:

– Нафтита, я знал одну публичную женщину. Там, в Уасете. Все говорили, что нет на свете более обходительной, более привлекательной, более милой женщины...

Она улыбалась. Довольная.

– Эта женщина умела так угостить и так приласкать, что глупые мужчины сходили с ума.

– Ты с нею спал, Ахняти?

– Я тоже поддался ее чарам. Мы однажды проспали с нею двое суток...

Она удивилась.

– Нет, мы лежали. Мы не спали, – пояснил он.

– Это другое дело.

Она улыбалась обворожительно. Улыбалась, разливая вино в золотые чарки.

– Так что же я хотел сказать? – Он легонько коснулся ладонями ее упругих сосков. – А вот что: она не стоит твоего мизинца.

Нефертити чуть взгрустнула. Но он не видел грусти на лице ее...

«...Ты вспоминаешь публичную женщину, которая далеко... А эта? Которая в этом городе... Которая в Южном дворце... Что ты скажешь мне о ней? Ты думаешь, я ничего не вижу? Ты думаешь, у меня не прежнее любящее сердце?.. Ну произнеси, ну скажи ее имя... Произнеси вслух: Кийа... И тогда мы поговорим о ней...»

Он опустил голову на ее колени. Над ним, как два ярких облачка на синем небе, сверкали ее губы. Они шевелились, словно от ветра. Который в небесных сферах. Губы приближались к нему. И когда он почувствовал прохладу их и сравнил эту прохладу с той, которую дарила та, публичная женщина, его величество сказал про себя: «Нет, Нафтита – краше, Нафтита – лучше...» И вот глаза их совершенно слились. Они как бы стали одним – большим и священным – глазом. Магическим глазом небесного отца...

Она выглядела молодой. Словно бы не родилось у нее шестеро дочерей. И кожа у нее лоснилась, как у девственницы. Икры ног ее были крепки, как дерево. Разве она была лучше семнадцать лет тому назад? Разве печать времени испортила это замечательное произведение искусства из мяса и крови?..

– Ты красива, очень красива, – шептал он.

– Не любишь ты меня, – сказала она.

Он не опроверг этого утверждения. Он целовал ее в шею, щеки, груди.

– Не любишь меня...

А он всю, всю ее покрывал поцелуями.

– Она была лучше?..

Он жадно тянулся к ней.

– Она жива еще?

– Не знаю.

Не до той публичной женщины сейчас...

– Неужели я лучше ее? – спрашивает Нефертити.

– В тысячу раз...

Он целует, целует, целует ее. Нет, кажется, страсти на свете, которая была бы сильнее этой.

– В тысячу раз, – говорил он.

– В чем же? Чем же? – допытывается она.

– Всем.

– Это не ответ.

– Вот этим! – Поцелуй в губы. – Вот этим! – Поцелуй в левый сосок. – Вот и этим! – Поцелуй в правый сосок. – Вот этим!

И каждый поцелуй – что тавро на теле неподражаемо нежной и упругой антилопы.

Наконец-то она отдышалась... Дала ему конфет. Напоила вином из своих рук. Он жадно съел пирожное. Принялся за второе. Прихлебывая вино...

Она сказала:

– Я счастлива.

– Да?

– Очень. Я одолела публичную женщину.

Он подумал.

– Одолела? – спросил он.

– Ты так сказал...

Шутила она или говорила всерьез? Говорила счастливая? Или с обычным женским притворством, которое не знает границ и под сводами дворцов?..

Он любил ее за маленькие ножки и широкий, полный страстного дыхания нос, за все женское и все мужское, нежность и мудрость.

– Нафтита, – сказал он мечтательно, – человек бывает счастлив?

– Если беден.

– А если богат?

– Никогда!

– Если могуществен?

– Только любовь делает его счастливым. Любовь – это знамя над палаткой.

– Ты сама это придумываешь?

– Отчасти.

– Кто же помогает тебе?

– Все женщины вселенной.

Он поднял брови: дескать, как это понимать? Фараон, когда это было выгодно, всегда поднимал брови. Притворяясь непонятливым.

– Ты меня хорошо понимаешь, Ахнаяти, – сказала царица. – Когда я думаю о судьбе Кеми, у меня кости делаются как вода. От страха перед будущим.

Его величество поднял брови еще выше.

– Перед будущим? – спросил он.

– Да.

- Почему же, Нафтита?
- Разве ты это знаешь хуже меня?

Он кивнул.

- Хуже?

Опять кивок. Ее величество развела руками. Она не могла понять: серьезно это или шутка?..

– Ты замечаешь? – продолжала царица. – Ты замечаешь, что с каждым новым месяцем все хуже складываются наши беседы? Может, я мешаю тебе? Или есть у тебя друзья преданнее? Или они любят тебя больше, чем я?

Она заглядывала ему в глаза. Вычитывая в них ответ правдивый – пусть жестокий, но правдивый.

Фараон улегся на спину. Голова его по-прежнему покоилась на ее коленях. Он сказал, эдак глядя в пустоту разверзающихся небес:

– Что известно тебе, Нафтита, о случае, описанном в древнем папирусе времен Сенусерта Первого? Странный то был случай и весьма поучительный.

- Что ты имеешь в виду?

Фараон глубоко вздохнул. Он сказал:

– Да будет тебе известно, Нафтита, что, по свидетельству мудрых, в давно прошедшие времена случались удивительные происшествия. Это сейчас ничему не дивятся люди. Они привыкли ко всему. А ведь человек не может жить не удивляясь. Утром он дивится свету божества, в полдень он дивится течению реки, а вечером – свету звезд. Так вот, в те далекие времена, когда в Кемии жили люди, способные удивляться, некий житель пустыни встретил говорящего льва.

Царица усмехнулась:

- Говорящего льва?

– Представь себе! Говорящего человеческим голосом. И не обычно, как на рынках и площадях, а наречием особенным, обличающим в нем книжника.

- Лев – книжник?!

– Да, Нафтита, чего только не бывало прежде, в благословенные старые времена! Этот лев встретил пустынного и сказал ему: «Вот я перед тобой!» На что мудрый пустынный ответил: «Так же как и я перед тобой». Лев стал на задние лапы, чтобы подняться повыше роста человеческого. И крикнул: «Вот я каков!» Человек помедлил с ответом. Этот лев не очень пришелся ему по нраву. И человек сказал: «Уступи дорогу». Он сказал: «уступи», – а разве не было дороги слева и справа, сзади и спереди? В пустыне, где песок, – везде дорога. Лев казался озадаченным. Казался смущенным...

– Смущенный лев?! – весело сказала царица. – Воистину, только в те незапамятные времена случались подобные чудеса!

Его величество не обратил внимания на ее смех – немножко взвинченный, слегка искусственный. Его увлек лев, говорящий человеческим голосом, и пустынный, пытающийся одолеть зверя силою ума своего. И он продолжал:

– Снова повторил пустынный: «Уступи!» Задумался лев и пропустил. Он сделал шаг в сторону, и пустынный гордо прошествовал вперед. Своей дорогой. И даже не обернулся... Ты знаешь, что стало со львом?

- Нет.

- Догадайся.

Она запрокинула голову:

- Лев съел пустынного.

- Почему ты так решила?

- Лев же!

– Ну так что же? Лев, а смышленный. Вроде нашего Пенту...

– ...или этого верзила Хоремхеба.

– К слову сказать, верзила нас обороняет.

– Ты в этом уверен?

Фараон снова вскинул брови, точно они были у него на веревочке.

– Я спрашиваю, – повторила Нефертити, – ты уверен?

Он уклонился от ответа. Его величество сказал:

– Лев заплакал...

– Я очень сомневаюсь в тех, кто нас обороняет. И от кого обороняют? От друзей?

– Лев залился горячими слезами...

– Меня – от тебя?

– Он плакал, как ребенок-несмышлениш...

– Или тебя – от меня?

– Ему опротивел белый свет.

– Вот именно: опротивел!

Фараон увлекся собственным рассказом:

– Почему огорчился мудрый лев? Не потому, что был голоден и упустил свою жертву. Это полбеда! А потому, что так и не понял, о чем же думал пустынный... Мои враги, Нафтита, порою мне кажутся подобием того льва.

В комнате стало тихо.

В этот полуденный час дворец как бы замирал. Солнце давило. Как гранитная глыба.

Ее величество сказала:

– Наконец-то мы добрались до сути нашего разговора. И я хотела бы его продолжить. Не по-семейному. А как люди, заинтересованные в судьбах страны.

– Согласен! – Эхнатон привстал и уселся напротив жены – глаза в глаза, лоб ко лбу.

Она разлила вино. Подала ему чарку.

О, эта прохлада подвалов Ахетатона! Что сравнится с нею? Разве сыщется что-либо подобное в целом свете?.. Он пригубил... Нет, не сыщется! Еще раз пригубил... Нет, такое вино только здесь, в благословенной столице Атона!..

– Мы поведем с тобой, Ахнаяти, разговор политический.

– Я готов к нему.

– Как будто бы мы не муж и жена, а единомышленники, ищущие путей к общей цели.

– Хорошо, Нафтита.

– Мы давно так не говорили. Правда?

– Пожалуй.

– Я не хочу доискиваться – почему?

– Ты права. Не надо.

У нее задвигались широкие ноздри. Вот-вот пойдет из них пар, как от шипящего котелка над костром. Ее глаза и без того были чуть навывкате, а тут, казалось, выскочат из орбит...

– Я буду говорить о своих ощущениях. Сначала о них. Ты, по-моему, готов пойти на сделку со своими противниками. Не пытайся возражать, не выслушав меня. Мы здесь одни, и я имею право свободно высказать свое мнение.

– Я слушаю, Нафтита.

– Сделка с противниками – самый гибельный путь, ибо он ведет к половинчатости. Если она – не уловка. Для маневрирования. Для отвода глаз. Для обмана противника... До сих пор ты шел прямой дорогой. Все говорили: вот фараон, идущий прямо! Но с некоторых пор ты пытаешься свернуть с нее... Дай мне договорить, Ахнаяти. Дай договорить... Я говорю тебе: ты подошел к пределу и стоишь у черты. Перешагнешь ли ее? Останешься ли ты по эту сторону черты или по ту? Будешь ли прыгать через пропасти в один прыжок или в два? Год тому назад

я на все эти вопросы отвечала бы в твою пользу. Сейчас я все больше и больше сомневаюсь в том, что ты идешь своей прежней дорогой.

– Ты кончила?

– Нет. Этот верзила и мясник Хоремхеб делает все для того, чтобы начать войну и на Севере и на Юге. Кому нужна война? Твоим противникам! Они мечтают о ней. Спят и видят ее!

– Войне не быть, – сказал фараон мрачно. Но не очень уверенно.

– Хоремхеб страстно желает ее. Он всячески поносит нас, обвиняя в трусости. А я говорю: если он хочет воевать – пусть воюет. Только без Кеми! Только без наших юношей! А сам! Один на один с хеттами. С Митанни. И с кем ему еще доведется помериться силой. Меч у него есть. Голова, которую можно срубить, тоже на месте. За чем же дело стало? Иди, Хоремхеб-храбрец, и воюй!

Она так разволновалась, что опрокинула кувшин. Красный, кровеподобный сок разлился на полу. Эдакой зловещей струей...

– Если все это говорится для того, чтобы переубедить меня, – сказал фараон, – то это – напрасный труд. Нет более убежденного мирного человека во всем Кеми, чем я. Даже сам первый жрец Эйе не может в этом отношении сравниться со мной. Меч мой, как утверждают мои враги, ржавеет в кладовой, а боевая колесница скрипит несмазанной осью. И очень обидно, Нафтита, выслушивать слова, которые прямого отношения ко мне не имеют, но направлены в самую середину моего сердца.

Она отдышалась. Словно пробежала длинную дорогу. Но останавливаться ей уже было нельзя. Это – не в ее характере. И разве можно останавливаться в политике на полпути? Или руби до конца, или вовсе не берись за дело!

Да, у нее серьезные претензии к нему. Очень серьезные! В конце концов, он может охладеть к ней. (Его величество не опроверг этого предположения.) Она может не видеть его, хотя это и ужасно. Но Нафтита согласна на все во имя великого Атона, во имя благоденствия Кеми...

Она продолжала развивать эту мысль:

– Послушай, Ахнайти, что скажу: ведь мы с тобой поклялись когда-то смело идти дорогой Атона. И мы шли. Мы восстановили против себя знать, мы подружились с немху. Мы ниспровергли Амона и возвеличили Атона – нашего бога, нашего отца. Мы унизили древнюю столицу Кеми и возвысили новую столицу, родив ее. Мы заявили твоими устами, что противимся гнусным войнам с соседними народами. Больше того, мы объявили себя равными всем другим народам. И вдруг...

– Что вдруг? – перебил он ее раздраженно.

– Вдруг на пятнадцатом году своей борьбы ты сворачиваешь с прямой дороги...

– Куда? – бросил он.

– Вот этого я еще не знаю.

– Зачем же тогда говорить? – Он надул губы, уткнулся взглядом в пол.

– Чтобы удержать тебя...

– От чего?

– От роковой ошибки.

Его величество усмехнулся. Она сказала:

– Я хочу, чтобы ты по-прежнему ловил чутким ухом каждое слово нашего царя и бога Атона.

– В этом я прилежен, как ученик в школе.

– Слушай его, надо претворять в дело каждое его слово.

– Я пытаюсь делать это, Нафтита.

– В этом я с некоторых пор сомневаюсь.

Он покраснел от негодования. Нет, это уж слишком. Он этого не потерпит! Нельзя же обвинять голословно!..

Тогда ее величество сказала с величайшим хладнокровием, на которое способна только первая женщина Кеми:

– Ахняти, твое величество Наф-Хуру-Ра! Не сердись, если ты прав. Я же скажу тебе: со стороны все виднее. А я вижу – поскольку оказалась в стороне, – что ты идешь не туда. Мне известно, что Хоремхеб получает все большую власть, что ты его выслушиваешь внимательнее, чем когда-либо. А известно ли тебе, что Хоремхеб ведет тайные переговоры с твоими врагами в Уасете и Мен-Нофере? И в Дельте. Если ты проявишь некоторое любопытство, то спроси его, о чем он шептался недавно с одним вавилонянином?

Эхнатон вздрогнул.

– С кем? – сказал он. – С вавилонянином?

– Да.

– Когда?

– Дней десять назад.

Его величество задумался. И сказал как бы про себя, но вслух:

– Десять дней назад... Вавилонянин... Шептался с Хоремхебом... Десять дней... Десять дней...

Фараон, видимо, что-то вспоминал.

– Такой курчавоголовый купец, – подсказала царица, – смуглый такой, лупоглазый. Зачем он прибыл в Ахяти? Что ему тут надо? Знающие люди сообщили, что он привез воздуха на полталанта²⁰. Воздуха в своих бурдюках для воды.

– Ну да, ну да, – размышлял фараон. – Вавилонянин и хетты... Мне что-то говорил Хоремхеб.

– Что же он говорит?

– Какую-то чушь, Нафтита. Какую-то чушь. Небылицу, Нафтита!

– А что Хоремхебу надо в торговых кварталах?

– Наверное, покупает, Нафтита.

– Что же?

– Товар.

– Какой?

Его величество улыбнулся.

– Ты же говоришь, что купец доставил воздух в бурдюках. Представляешь себе? Вавилонский воздух!

– Да, это большая ценность в Кеми.

Фараон встал. Прошелся по комнате. Руки закинул за спину. И все убыстрял шаги. За ним трудно было уследить: туда-сюда, туда-сюда! У царицы закружилась голова. Его величество, того и гляди, побежит. Как на учениях рядовой воин. Что с ним?

Потом он вдруг останавливается. Молча глядит на царицу. И шевелит губами. А глаза – невидящие совсем.

– Я всю подноготную узнаю. Мне расскажут все об этом вавилонянине. И тогда горе тому, кто скрыл! Кто от глаз моих утаил нечто! И кто от моих ушей схоронил чужие слова! Пусть тогда пеняет на себя! Только на себя!

Фараон потряс маленькими кулаками.

– Ты хорошо сказал, – проговорила царица. И обеими руками сжала виски, в них стучало, словно в каменоломне, как на постройке каменных домов.

Фараон снова забегал по комнате. То медленней, то быстрее. Часто останавливаясь перед царицей.

– А теперь, Нафтита, слушай. Я скажу тебе нечто. И это должно остаться между нами.

---

²⁰ *Талант* – в данном случае денежная весовая единица золота, равная приблизительно 30 кг, *дебен* – 91 г.

Она кивнула. Очень уж стучало в висках – вот-вот лопнет голова...

– Нафтита, есть вещи, которые сильнее фараона. Жизнь сильнее, Нафтита! Это говорю я тебе. И никому больше. Ты ведь знаешь. Я вздыхаю в Ахяти, а вздох тот слышен в Та-Нетер или в Ретену. Он слышен на много тысяч сехенов вокруг... Я сказал слово, а оно уже в ушах хаке-хесепов, где бы они ни находились. И руки и ноги их работают, чтобы исполнить мое желание. Так ли это?

– Так, – сказала царица. А в висках все сильнее боль. Как на беду, все сильнее. И желтые круги перед глазами...

– И я говорю тебе, Нафтита: фараон, низвергнувший Амона, бессилен перед жизнью и перед людьми, которые вокруг.

– Неправда! – воскликнула царица. – Неправда! Неправда!

– Я говорю, Нафтита: в сердце моем усталость. Будто прошел я всю Западную пустыню. И в душе моей огонь, который гаснет медленно, но верно. Я говорю тебе, Нафтита: мы уже не молодые, и нам надо понимать людей...

– Твоих врагов?

– Если хочешь – да!

– И это называешь зрелостью?

– Да.

– Когда ты это понял?

– Недавно.

– Значит, ты хочешь стать спиной к своим друзьям?

– Нет.

– Подать руку примирения своим врагам?

Он не ответил.

– Руку им протянуть?

– Может быть, Нафтита.

Царица объяснила, как тяжело ей, как болит голова и как хочется ей остаться одной. Он вышел, не сказав ни слова.

Она свалилась на циновку, уткнула нос в ладошку. И заплакала.

Она плакала.

Не могла не плакать.

Купец

К торговым рядам вела довольно широкая, мощенная белым песчаником улица. Лавки располагались высоко над нею. Крутые лестницы спускались с порогов на мостовую. Над лавками – жилые помещения с небольшими отверстиями-окнами. Хотя и молода эта столица, выстроенная в пустынной местности, но торговые заведения ни в чем не уступают прославленным торговым рядам в Уасете, Мен-Нофере, Ей-н-ра или в Саи²¹. Откуда только не доставлялись сюда товары! Они шли отовсюду, где только звучало имя фараона Кеми. Но где же оно не звучит? Во всей вселенной!

И ремесленники работали здесь отменные. Прекрасная обувь, тончайшие ткани, отличное оружие, домашняя утварь, отборная посуда – глиняная, медная, бронзовая и из золота – все, все к услугам граждан Ахетатона! Идешь меж рядов – и глаза разбегаются. Войдешь в лавку – душу отдашь за любую вещь. Так ладно, так красиво и добротнo умеют делать все в Ахетатоне, благословенной столице обширного и могущественного государства Кеми.

А что сказать о кулинарных заведениях? Пышные пшеничные лепешки, жареные гуси и куры, говяжьи куски на вертеле, сладкие пирожные, медовые конфеты – все делают здесь и преподносят в лучшем виде! На то, говорят, и столица! Однако столица столице – рознь! Если Ахетатон утирает нос самому Уасету, то что же можно сказать о других столицах вселенной?

Вавилонский купец Тахура – такой полный розовощекий, бородатый мужчина – заявил во всеуслышание, что ничего похожего нет ни в какой другой стране. Он сказал, что восхищен Ахетатонoм, что ослеплен его красотой, что пленен его женщинами и отдает должное мужчинам, которые словно бы собраны здесь напоказ со всех концов земли.

Он сидел в лавке Усерхета и наслаждался холодной водой, которой он запивал засахаренные земляные орехи. Купец привык у себя на родине говорить громко, как на площади. На жителя Кеми громкий разговор не производил особо приятного впечатления, однако азиату это прощалось, как, впрочем, и многое другое. Одно дело – Кеми, а другое – Азия! И никому не придет в голову здесь, в Ахетатоне, подходить к азиату с полной мерой, разве что только его величеству Наф-Хуру-Ра. Этот позволяет себе говорить почтительно даже о каких-нибудь кочевниках из страны шумеров. Ну, это уж совсем непонятное, странное и, может быть, болезненное явление!..

Купец поджал под себя ноги, сидя на грубой камышовой циновке. Его слушали молча – эти благовоспитанные сыны Кеми. Слушали молча, лакомясь сладостями.

– Я побывал во многих землях, – разглагольствовал купец. – Знаю остров Кефтиу как себя. Остров Иси обошел пешком. Я был в Колхиде, которая на севере, и был и там, где горит вода. Видели мои глаза города большие и малые, далекие и близкие. Но что сравнится с Ахяти? Что, спрашиваю?

Тахура обвел глазами всех присутствующих. Будто каждому задавал этот вопрос: «Что, спрашиваю?..» Задавал и ждал ответа. Особенно долго и пытливо смотрел он на Усерхета – бритоголового хозяина лавки, мужчину средних лет.

Старик, восседавший на циновке, сказал:

– Ахяти – хорош. Слов нет. Но есть города, которые могут с ним поспорить и в красоте и в величии.

Он ел гусиные потроха под барбарисовой подливкой. И запивал холодным пивом. Морщин на нем было неисчислимое количество. Морщины – вместо кожи! И глаза его сидели в морщинах. И рот его весь в морщинах – даже губ не видно. Цвета он темного (однако не чернокожий). Под стать старой-старой пальме.

---

²¹ Саи – Саис, современное местечко Са-эль-Хагер.

Тахура с интересом обратил свой взор на этого старика, поедавшего самое дешевое блюдо.

– Уважаемый, – сказал купец, – ты, наверно, не из этих мест.

– Нет, именно из этих.

– Наверно, давно здесь не был.

– Правда твоя. Я много ходил по свету.

Усерхет захохотал. Так, как умеют хохотать только добродушные толстяки, довольные собой, делами своими, семьей, всем миром. Хозяин лавки облизнул пальцы на руках – они были в меду. Он сделал комплимент купцу, который, дескать, умеет видеть даже сквозь каменную стену; который, дескать, настолько натренировал свой глаз в бесчисленных поездках, что уже нет для него секретов; дескать, ничего нельзя утаить от него...

Купец, весьма польщенный, поглаживал бороду. И каждый жест обнаруживал в нем истого азиата. Впрочем, он не только не пытался скрыть этого, но даже подчеркивал это – жестами и интонацией. И весьма учтиво обратился к старику:

– Уважаемый, по всему видно, человек ты сведущий во многих делах. Где тот город, который может поспорить с несравненным Ахяти?

– Там, – старик махнул рукою на запад.

– Там – пустыня, уважаемый.

– Среди пустыни. Далёко за песками. Дорога туда многотрудная, дальняя. Безводная. И ни в одном бурдюке не уместится вода, необходимая человеку, идущему на запад. И ни один башмак не выдержит этого пути. Ноги будут кровоточить, ибо истончится стопа.

– Уважаемый, край тот пустынен. Безводен. И нет жизни на краю вселенной.

Старик усмехнулся:

– Ты так думаешь?

– Я уверен.

– Напрасно! Да будет тебе известно, чужеземец, что на всякую силу есть другая сила, на всякую красоту – другая красота. Так создан этот мир. Только на полях Иалу все дышит одинаково ровно, и человек там в трудах – как все!

Теперь уже не купец, а старик оказался в центре внимания. Воистину: на одну умную голову нашлась другая, не менее умная! Многие перестали жевать и беседовать друг с другом. «Занятный старик, – подумал купец. – Кто он? Уличный фокусник, показывающий диковинные штучки? Или мудрец, оказывающий услугу людям за пшеничную лепешку и тарелку гусиных потрохов? Дай-ка я немножко его поэкзаменую...»

– Что же там, уважаемый, на краю пустыни? Мы немножко уклонились от нашего разговора.

Всем хотелось услышать, что там, в стране миражей и песчаных бурь. «Тише! Тише!» – послышались голоса. Перестали стучать ложки. Люди затаили дыхание.

– Я скажу вам, я скажу вам, – проговорил старик, не отрывая взгляда от своей похлебки, – скажу и о том, что видел сам, не доверяя другим, что слышал сам, полагая, что слух мой не подведет меня... Было мне тогда двадцать лет, и жил я в Дельте. Однажды встретил человека, бородатого, вроде тебя (старик указал на купца). Прибыл он из Джахи, и умел он делать стекло разноцветное. Располагаясь на песчаном берегу. К ловкости рук своих прибавляя тайные заклинания. Этот человек ненавидел лютой ненавистью род женский. Может быть, чем-нибудь огорчили его жены? Этого уж никто не сможет сказать, ибо отошел он в лучший мир, а при жизни своей держал уста на крепком запоре. И этот человек – посильнее любого рыночного бойца – предложил мне идти с ним в неведомую страну, где люди повыше и здоровее нас, где злоба не омрачает сердец и спокойная любовь надо всеми, подобно шатру. Я спросил его, где же этот край, напоминающий поля Иалу? Он показал рукою на запад, где заходит солнце,

где пустыня с миражами и песчаными бурями. Я поверил ему. Он был для меня как пророк в стране израильтян – стране пророков.

– И ты пошел с ним?! – не выдержал купец.

– Да!

– В неведомую пустыню?

– Да!

– Вдвоем?

– Нет. С нами были еще. Несколько горячих голов.

– И вы дошли?

– Да!

– Живыми и невредимыми?

– Нет. Мы иссушили нашу печень. Глаза слипались от язв. И тела наши покрылись струпами. Я один, я один приполз в ту страну и все увидел своими глазами и услышал собственными ушами. Мои спутники лежат в песках. Они умерли оттого, что спеклись внутренности их от зноя и безводья.

– И что же там? И что же там? – словно не терпелось купцу Тахуре.

И хозяин лавки сказал:

– У меня выскочит сердце, клянусь прахом отца, выскочит сердце от любопытства! Не томи же нас, уважаемый!

– Я скажу вам все. – Старик облизал ложку. Словно давно не ел. Это всем бросилось в глаза. Вдруг усомнились в том, что старик такой уж мудрый и такой уж многоопытный. Разве мудрецы лижут ложки? Но вскоре пришлось убедиться, что мудрецы способны и не на такое. Старик продолжал: – Мы пришли в землю, которая именуется Та-Кефт. Мы пришли туда, чтобы умереть на виду их блистательного города. Я один добрался ползком, направляясь с холма в город. Как дитя... На карачках. И колени мои источали кровь и гной. И когда я потерял сознание, едва выкрикнув «помогите!», когда я был точно во сне, – меня спас караван. Меня доставили в тамошний Тапе, который блистателен. И люди там рослые, и вместо двух – у них три уха.

– Три уха?! Не два, а три?! Где же третье ухо? – слышалось со всех сторон.

– Третье ухо? – старик почесал мизинцем кончик носа. – Третье ухо вот здесь.

И он показал на затылок молодого человека, сидящего рядом с ним.

Возглас удивления вырвался у каждого, кто находился в лавке. Удивились все, кроме купца. Он улыбался и крутил ус. Его черные глаза – черные, как ночь, – тоже улыбались из-под густых бровей. Или купец знал нечто, что способно перешибить эту новость, или не верил ни единому слову старика.

«...Старик может пригодиться, такие люди всегда нужны. В определенные часы. Могут принести пользу, которой нет цены. Но они должны быть обязаны тебе больше, чем Озирису, больше, чем фараону».

Купец Тахура приказал, чтобы принесли старику полгуса, жаренного на вертеле, истекающего салом и рыжего от огня.

Старик принял гуся как нечто должное, поблагодарив легким кивком вавилонянина. И, отломив хрупкое крыло, он сказал:

– Мне не доставало его! Ибо да будет известно тебе, чужестранец, что воспитания я тонкого. Было время, когда мне подносили яства с острова Иси и рыбу с острова Кефтиу. И я их ел, как девушка, – чуть-чуть. Но путешествие в Та-Кефт сделало меня прожорливым и вечно голодным, как гиена.

Вавилонянин собственными глазами увидел, как летели гусиные кости в разные стороны, мгновенно обглоданные. И все сказали про себя: не зубы это, а настоящая мельница, в которой

рушат зерно! Поскольку старик был занят жареным, вкусным гусем – никто не тревожил его вопросами.

Спустя положенный срок – когда от гуся остались одни перемолотые кости, – купец спросил:

– Высокоуважаемый, могу ли я узнать твое имя?

– Да.

Но имени своего так и не назвал. И вавилонянин понял, что с этим надо подождать.

Жара понемногу спадала. Обеденный час миновал. Посетители оставляли свои места и шли по делам. Можно сказать, что лавка опустела. До самого ужина теперь здесь будет сонное царство. Только на кухне по-прежнему пылает огонь, и повара размышляют над новыми блюдами, которыми следует потчевать посетителей за ужином.

Старик тоже поднялся с циновки. Подошел к купцу.

– Тебе – спасибо, – сказал он. Поклонился глубоким поклоном. Словно вельможа фараону. И пальцы на руках его, и пальцы на ногах его были длинные и тонкие. Словно у вельможи. – Чужестранец, ты вел себя как истый сын своей прекрасной страны. Я знаю ее, я скажу тебе: звать меня Сеннефер, сын Гемипет. Мой дом был в Саи. Красота его знакома многим, кто бывал в Дельте. Но все это в прошлом. Меня вырвали из родной среды. Кеми стал для меня вроде мачехи. И я даже стал подумывать, чтобы схоронили меня где-нибудь в чужой пустыне.

Усерхет сказал, обращаясь к купцу:

– Господин, вот еще один, кто горько сетует на судьбу свою.

– Нет! – возразил старик Сеннефер.

– Как так – нет? – сказал Усерхет. – Разве мы не слышали сейчас, что говорил ты о судьбе своей?

– Слышали, чтобы донести?

– О нет! – Усерхет готов даже поклясться. – Разве Усерхет соглядатай и его лавка – место для соглядатаев?

– Верно, – проговорил купец, внимательно присматриваясь к старику, – Усерхет известен как человек честный, высокопорядочный.

Старик, видимо, поуспокоился:

– Ладно, с вами, кажется, и пошутить нельзя. Времена, разумеется, не самые сладкие... Но кто и когда слышал, что они бывали сладкими? Что-то не припоминаю! При Хуфу, что ли?..

Купец не спускал с него глаз. Нет, не простой этот старец. Далеко не простак. Что-то в нем особенное. Сквозь грубую, затвердевшую, как тина в засуху, кожу просвечивает образ иного человека. Иной крови. Чтобы заметить это, не надо быть провидцем. Речь, манеры, осанка свидетельствуют о том, что старик не всегда был в таком бедственном положении, как сейчас. А эта обида в его словах? Он обижен, обижен, обижен! Как многие в Кеми... И в Дельте. И в других местах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.